

INSPIRIA

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРИЛЛЕР

Магнус Йонссон

ОДИНОКАЯ ОХОТА

INSPIRIA

Ток. Новый скандинавский триллер

Магнус Йонссон

Одинокая охота

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Йонссон М.

Одинокая охота / М. Йонссон — «Эксмо», 2019 — (Ток. Новый скандинавский триллер)

ISBN 978-5-04-164868-8

Ледящий душу скандинавский триллер «Одинокая охота» — финальная книга в трилогии «Ненависть» Магнуса Йонссона. Серия повествует о студентке-аспирантке Линн Столь, которая волей судьбы становится консультантом для полиции Швеции и помогает раскрывать самые жуткие дела. Линн Столь решила никогда больше не сотрудничать со Стокгольмской полицией. Но от судьбы уйти не так-то просто. Когда одну из ее знакомых из антифашистской организации АФА обнаруживают мертвой, Линн понимает, что не может быть в стороне от расследования. Эксперт по шифрованию неохотно соглашается в очередной раз помочь криминальным полицейским Рикарду Стенландеру и Эрику Свенссону в сложном, многогранном деле. Однако в этот раз в партнерстве с полицией есть сложности: Столь не готова раскрывать информацию о незаконной деятельности АФА. Чтобы никого не предавать, Линн Столь начинает параллельное расследование и самостоятельно охотится на подозреваемого, в планы которого входит убийство всех членов организации. Следы приводят ее в Данию, к людям, которые уже давно мечтали увидеть Линн мертвой. Магнуса Йонссона называют мастером скандинавского нуара. Его герои, мрачное описание Стокгольма, жуткие образы убитых жертв и психологический портрет преступника вызывает мурашки даже у самого матерого читателя триллеров.

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-164868-8

© Йонссон М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	57
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Магнус Йонссон

Одинокая охота

«Если бы ты спросил меня, почему я присоединился к республиканцам, я бы ответил: „Чтобы сражаться против фашизма“. А если бы ты спросил меня, за что я сражался, я ответил бы: „За общую порядочность“».

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ. «Вспоминая Каталонию»¹

«Свободные птицы летят, куда хотят, по небесному океану. Многие не достигают своей далекой цели. Ну и пусть. Ведь они умирают свободными».

ТОРГНИ СЕГЕРСТЕДТ. 1940 г.

Magnus Jonsson
Kvinnan som jagade ensam

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Magnus Jonsson 2019

First published by Modernista, Sweden Published by arrangement with Partners in Stories, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Петров И., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

---

¹ Джордж Оруэлл в качестве добровольца принимал участие в гражданской войне в Испании в 1936–1937 гг.

Глава 1

Четверг

Они приближались. Микроавтобус трясло на ухабах. Его занесло на повороте, и какое-то мгновение он скользил боком, прежде чем снова стал слушаться водителя. Прицеп накренился. Казалось, еще немного, и сломался бы фаркоп. Эзги качнуло в сторону, и она схватилась за спинку сиденья впереди, чтобы не завалиться в проход. В спешке не было нужды, времени хватало. И все равно Антону зачем-то понадобилось гнать по этой узкой лесной дороге как на пожар.

Она увидела его лицо в зеркале заднего вида. Оно словно окаменело. Взгляд сосредоточен, как будто Антон находился в трансе. Руки крепко сжимали руль. Она видела его таким и прежде. В эти моменты все иное словно исчезало для него, оставалась лишь задача, которую нужно было решить. Забота же о других больше ничего не значила.

Они мчались сквозь темноту, черные ели нависали над ними. Внезапно впереди из леса выскочила лиса. Ее глаза блеснули в свете фар, и через мгновение она снова исчезла среди деревьев. Антон резко вывернул руль, и машина дернулась. Сиденья сильно задрожали, когда колеса соскользнули на обочину. Антон тихо выругался и снова вырулил на дорогу.

Эзги повернула голову и посмотрела на остальных. Они сидели в ряд на заднем сиденье. Трое. Молча. Все одетые в черное. С серьезными лицами. За исключением Ильвы, которая улыбнулась ей и затем покачала головой, словно ругая за экстремальную езду. Двое других, Клаас и Фредрик не отрываясь таращились в боковые окна.

Впереди сидел Иван и смотрел сквозь лобовое стекло. Тень на его суровом лице усиливала впечатление, что оно словно было высечено из камня. В руках он крутил телескопическую дубинку. Блестящий черный металл терся о кожаные перчатки.

Им оставалось ехать недолго.

Эзги заерзала на месте. Голова зачесалась под балаклавой, которую она задрала на лоб. Пульс подскочил. Адреналин, ворвавшись в кровь, разошелся по всему телу. Быстрая езда вкупе с вырывавшейся из динамиков музыкой действовали на нее слишком возбуждающе. Бас бил по ушам. Сердце трепетало в груди от жесткого хип-хоп-бита. Эл-Пи из Run the Jewels сурово бубнил: *«Fear's been law for so long that rage feels like therapy, nobody gets no more sleep till we teach them remembering»*². Она кивала в такт музыке, как бы соглашаясь с его словами. Они прозвучали в машине неким заклинанием и все повторялись в ее голове. Эти слова словно были инструкцией к тому, что они должны были сделать.

Антон остановил машину. Как они и предполагали, на берегу не оказалось ни души. Песок выглядел замерзшим. На ветках ивы, касавшихся поверхности озера, белел иней. От них по воде разбегались еле заметные круги.

Эзги улыбнулась, натягивая перчатки. Весна приближалась. Несколько недель назад, когда они проводили разведку, им без проблем удалось бы перебраться на другую сторону по льду на байсах. Но они решили дождаться ледохода. Каное выглядели более безопасно, и с ними они потеряли бы меньше времени на обратном пути. А что еще важнее, оставались бы почти невидимыми, скользя по водной глади в темноте.

Совместными усилиями они сняли лодки с прицепа и вынесли их на берег. Потом рюкзаки. Шесть штук. Антон сложил их в ряд.

---

² Страх был законом здесь так долго, что ярость кажется терапией, никто не заснет до тех пор, пока мы не научим их помнить (англ.).

– Последняя проверка.

Они опустились на колени и, открыв рюкзаки, убедились, что взяли с собой все, что было нужно: веревки, молоток, топор, гвоздодер, болторез, слезоточивый газ, тепловизор... Эзги проверила бутылки с бензином на самом дне ее рюкзака – они стояли крепко. Она отвечала за бензин. Проверила и штормовую зажигалку – от яркого пламени она зажмурилась. Фредрик сердито посмотрел на нее.

– Нет, черт побери. Никакого света, – буркнул он. – Неужели трудно понять. Пройдет полчаса, прежде чем глаза снова привыкнут к темноте.

Ей стало стыдно, но она все равно разозлилась на него. Откуда столько презрения в тоне? Она никак не могла привыкнуть к его резким переменам настроения. Еще вчера вечером он был просто милашкой. Дома. В постели. Сейчас перед ней стоял словно совсем другой человек: грубый, жестокий. Несмотря на всю важность их задания, она не собиралась терпеть его таким. Инструкции получены. Все прекрасно знали свои роли. И его попытки довлеть над остальными противоречили их предварительным договоренностям: это была акция без лидера.

Против нацистов.

Каное беззвучно разрезали темную гладь воды. Чернозобая гагара, потревоженная их приближением, стремительно нырнула под воду. Затем уже где-то далеко в темноте она снова вынырнула на поверхность. Ее зловещий, словно предупреждающий об опасности крик разносился над водой. Но обитатели уже угадывающегося впереди строения на него, похоже, не обратили ни малейшего внимания. Никакого движения, никакой вспышки света... Насколько хватало глаз. Контуры стен стали видны, только когда они почти достигли береговой линии. Высокий забор тянулся по утесам, а потом вдоль кромки воды уходил к причалу.

Не сговариваясь, они взяли курс к узкой полоске берега в дальнем углу участка. Эзги привязала каное к росшим поблизости деревьям. Антон протянул Клаасу болторез. Его стальные челюсти еле слышно лязгали, когда прутья ограды уступали перед их напором.

Антон включил мобильник и направил его тепловизор на находившуюся за забором территорию. На экране телефона ярким пятном выделялась спавшая на ветке дерева птица. Но никаких людей или какого-то иного живого существа. Клаас работал болторезом быстро, легкими, отточенными движениями. Путья сдавались один за другим. Остальные стояли за его спиной и ждали.

Когда проход был открыт, они нырнули за ограду и натянули черные балаклавы. Антон повел их вверх к дому в обход, чтобы они не попали в зону действия установленных на причале датчиков движения. Камеры наружного наблюдения смотрели в другую сторону – на автомобильную дорогу, ведущую к главному входу.

Потом он остановил их и еще раз взглянул на дом. Ветхая прежде база скаутов заметно преобразилась с тех пор, как организация «Скандинавское копье» приобрела ее через подставное лицо у муниципалитета Тюресё. Ни о каких курсах для прибывающих в страну иммигрантов, о которых расположившаяся здесь нацистская группа упомянула в контракте, естественно, речь не шла. В помещениях базы они занимались совсем другим делом. Печатали литературу о превосходстве белой расы, а также газеты, журналы и плакаты соответствующего содержания. Распространяли по почте одежду с лозунгами и символикой той же направленности. Милые вещицы с надписями типа «*Беспоощадно убивай предателей родины!*» и с напоминающей наколчанную стрелу руной Один на заднем плане. Еще здесь устраивали тренировочные лагеря для молодежных отделений различных ячеек. Временные беговые дорожки и полосы препятствий оборудовали в расположенном по соседству лесу. В подвале находился хорошо оснащенный спортивный зал. Тренировки по плаванию и дайвингу проводились у причала, когда позволяла погода. Один перебежчик помог Фредрику составить карту этого объекта. Не даром, естественно.

Антон, Клаас и Иван принесли деревянную скамейку. Она стояла в углу участка вместе с другими предметами садовой мебели. Они прислонили ее к подоконнику на втором этаже, а потом Эзги, как по пандусу, вскарабкалась по ней наверх. Она наклонилась к окну. В отличие от окон первого этажа и задней двери, к которой от причала вела дорожка, оно не было защищено сигнализацией. Во всяком случае, на стекле отсутствовали белые коробочки вибродатчиков и магнитные контакты.

Эзги провела пальцами вдоль рамы, пытаясь определить местонахождение защелки, и знаками показала, что ей нужен гвоздодер. Взяв его в руки, она надавила на раму и, когда окно с тихим треском поддалось, осторожно шагнула в комнату. Воздух внутри был затхлым, пахло старым домом – деревом и пылью. Эзги отошла от оконного проема, чтобы ее силуэт не выделялся на фоне слабого света снаружи и она не стала мишенью, если кто-то обнаружит ее. Она попыталась осмотреться в темноте, однако как ни напрягала зрение, ей не удалось обнаружить никакого движения. Только несколько стульев, стол и пару оставленных на нем кофейных чашек. В этой комнате явно находился кафетерий. Она выглянула из окна и подала знак другим. Они быстро поднялись в дом, а потом все вместе спустились с тесного чердачного помещения вниз. Во тьме комнаты на первом этаже все выстроились в ряд.

Кровь пульсировала у Эзги в висках. Ручейки пота сбегали вниз по шее. Она слышала, как рядом дышат другие, узнала сладковатый аромат дыхания Фредрика, запомнившийся ей со вчерашнего вечера.

Антон поднял руку, давая команду ждать. В задних комнатах не должно было находиться никаких датчиков. И все равно что-то смущало, вызывало неясные сомнения.

Они стояли неподвижно какое-то время, дом, казалось, тоже затаил дыхание. А потом Антон достал карманный фонарик. Луч света выхватил из темноты два больших принтера. Вдоль стены стояли и коробки с бумагой разного формата.

«Это облегчит задачу», – подумала Эзги.

Антон кивнул ей начинать. Сев на корточки, она включила налобный фонарь и достала из рюкзака бутылки с бензином. Иван и остальные последовали за Антоном дальше. У Эзги был с собой электрошокер. Другие, кроме Ивана, у которого была дубинка, довольствовались только баллончиками с газом.

Она посмотрела им вслед. Это ей не нравилось. Она считала подобные вещи излишними. Дом же был пустой. Насилие всегда претило ей, даже когда речь шла о самообороне. Но она в конце концов согласилась: в борьбе с нацистами все методы хороши: демонстрации, формирование общественного мнения, интернет-атаки, просветительская деятельность... Наконец, уничтожение их баз и любых инструментов, которые могли быть использованы для разжигания межнациональной розни или нападков на демократию и ее защитников. Порой требовалось чисто физически останавливать распространение пропагандируемой ими ненависти. Для защиты всех, кто верил в мир взаимного уважения и любви.

Свет фонаря Антона гулял по комнатам. Им требовалось убедиться, что в доме нет людей, прежде чем они подожгут его. Спальня. Девять двухъярусных кроватей. Лестница, ведущая в подвал. В спортивный зал. Все выглядело как на фотографиях взломанной ими страницы в Инстаграме. Благодаря собственным снимкам нацистов они смогли узнать, как те переоборудовали недавно приобретенное здание.

Запах бензина подсказал Антону, что Эзги не теряла времени даром. Он направился к следующему проходу и подождал остальных, положив руку на ручку двери. Они встали наготове у него за спиной. Большое помещение серверной находилось под сигнализацией. Но это не играло особой роли. Именно там хранились все материалы на цифровых носителях, а также оружие, униформа и прочее. Это снаряжение уже использовалось в нескольких акциях, хотя сама организация существовала относительно недавно. Ее костяк составляла группа, отколовшаяся от «Скандинавского движения сопротивления». К ним быстро присоединились бывшие

члены «Солдат Одина», несколько перебежчиков из футбольных фанатов, променявших спорт на политику, и молодые ребята, бегущие из практически обезлюдивших провинций Центральной Швеции. Менее чем за месяц они успели облить свиной кровью памятник Раулю Валленбергу в Стокгольме, взорвать в Гетеборге бомбу перед зданием, где синдикалисты проводили свой форум, и напасть на дома муниципальных политиков в Скурупе.

Антон с помощью молотка вбил гвоздодер в щель у замка. Звуки ударов эхом разнеслись по комнате. Он ударил снова и надавил на гвоздодер. В конце концов замок не выдержал. Передав молоток Ильве, Антон распахнул дверь. Ничего не произошло. Сигнализация сработала беззвучно. Сигнал тревоги должен был поступить непосредственно в охранную фирму, которой требовалось немало времени, чтобы добраться до этого уединенного здания из штаб-квартиры в Тюресё. К тому моменту они рассчитывали уже завершить акцию и находиться достаточно далеко от дома в своих каноэ, тогда как строение должно было всю гореть.

Но это если бы к объекту приставили охрану. Почти сразу выяснилось, что этого не сделали. Антон торопливо вошел в серверную в сопровождении остальных и осветил лучом фонаря стену сбоку. Зрение не обмануло, пульт сигнализации, висевший у двери, оказался выключенным. Зеленые и красные светодиоды, которым следовало мигать, не горели. Он замер. Остальные тоже остановились. Сердце забило быстрее, когда он направил свет фонарика на пол. Там лежали коробки с черной униформой, бронежилеты и дубинки.

Из угла доносилось тихое гудение сервера. Антон направил луч света в другой конец комнаты. Ильва встала рядом и тоже включила свой фонарь.

Они увидели очертания людей одновременно, однако поняли, что происходит, только когда черная масса отделилась от стены и устремилась к ним.

Будучи готовыми к нападению, они, пожалуй, сумели бы оказать хоть какое-то сопротивление. Но сейчас едва успели поднять руки, чтобы защититься, прежде чем семеро нацистов набросились на них.

В свете своего фонаря Ильва успела заметить поднятую дубинку и, практически не глядя, нанесла удар молотком. Она попала невидимому противнику в плечо, но потом и сама ощутила удар дубинки, он пришелся ей в висок. Ильва покачнулась. В глазах у нее потемнело, и она оперлась о стену. Клаас устремился к ней, и она услышала шипение газового баллончика, который он направил на нападавших. Вся комната засверкала, и Ильва не могла понять: так ее голова реагировала на удар или причиной стали лучи фонарей, внезапно заполнившие собой комнату. Уголком глаза она видела, как один из них осветил лицо Клааса. Кто-то направил фонарь на него. Когда Клаас отвернулся от яркого света, его ударили кулаком в затылок. Газовый баллончик со звоном упал на пол. Ильва направила свой фонарь на противника и напрягла зрение – от газа щипало глаза. Она подняла молоток, но, прежде чем успела воспользоваться им, ее сильно ударили ногой, и она полетела к Клаасу.

Потом удары сыпались уже без остановки. Ильва согнулась пополам, когда дубинка попала ей прямо в солнечное сплетение. Широко открыв рот, она пыталась глотнуть хоть немного воздуха, потом закашлялась от слезоточивого газа. Она слышала, как рядом избивали ее друзей. Люди, одетые в черное, словно были повсюду.

Она держала фонарик перед собой, пытаясь ослепить их. И все равно один бросился вперед. Клаас согнулся, когда его пнули коленом в живот. Ильва почувствовала, как он ухватил ее за одежду, чтобы не упасть. Она осветила фонарем комнату. Сбоку в этот момент Ивана ударили головой в лицо. Он повалился назад на Клааса и стукнулся затылком о бетонный пол. Нацисты шеренгой наступали на них. В свете своего фонаря Ильва могла видеть их покрасневшие глаза с темными пятнами зрачков. Они горели ненавистью. У некоторых взгляд был затуманен, словно они находились под действием наркотиков.

Иван и Клаас ползли назад. Она пятилась вслед за ними. Терла глаза. Моргала из-за теплой крови, бежавшей из раны на лбу. Противников было слишком много. У них в любом

случае не было ни единого шанса дать отпор. Страх железной рукой схватил ее за горло, мешал дышать. Лучи фонариков нападавших разрезали темноту подобно лазерным мечам. Она попробовала восстановить дыхание, но тщетно, в горле вдобавок першило от газа. И все равно Ильва старалась защищать остальных. Это была ее ответственность. И их ответственность. Они спланировали эту акцию вместе. И должны были завершить ее вместе. Она подняла руку, чтобы закрыть голову от ударов дубинок, когда противник снова пошел в атаку, и осветила пространство за своей спиной. Вдалеке виднелись очертания двери, через которую они попали в серверную.

– Нам надо вырваться наружу. Беги к нам, – услышала Ильва сдавленный крик с той стороны. Голос принадлежал Фредрику. Или, пожалуй, Ивану. Она лихорадочно пыталась отыскать их с помощью фонаря и внезапно увидела испуганный взгляд Ивана в пятне света. Они отступали к двери. У нее все похолодело внутри, когда она увидела лицо Фредрика. Он напоминал ей сейчас вампира: один глаз его обрамляла сочившаяся из разбитой брови кровь, темной струйкой сбегавшая ниже по щеке ко рту. Его губы блестели и выглядели неестественно алыми в свете фонаря.

Она снова взмахнула молотком, стараясь не подпустить нападавших ближе, и вдруг услышала стон – попала по чему-то мягкому. Но больше ей так не везло. Все тело ныло от ударов, которые она пропускала. Сомнений уже не было: их всех убьют, если они не смогут вырваться из этой комнаты. Ильва отступала на ощупь и, обнаружив Клааса за спиной, торопливо направила его к выходу. Она видела, как он последовал за Иваном. Нацисты находились прямо за ней. Шум их тяжелого дыхания смешивался со странными гортанными звуками. Удары сыпались ей на затылок, шею и плечи. Ужасно болел копчик после того, как по нему попал окоченный железом ботинок. Кто-то схватил ее за одежду. Держал крепко. Однако она сумела вырваться, продолжая махать вокруг себя молотком и фонариком. Крутилась на месте, но не по кому так и не смогла попасть. Спотыкаясь, Ильва продолжала упорно двигаться к двери.

Внезапно в дверном проеме возникла Эзги и притянула ее рукой к себе. В другой руке она сжимала металлический баллончик. Эзги подняла его перед собой, и он зловеще зашипел – она выпустила весь газ, что был внутри, в сторону нападавших. Послышалась ругань, затем кашель. Нацисты в нерешительности остановились.

И тогда Ильва схватила Эзги и проворно потащила ее в соседнее помещение. Это был их единственный шанс. Она увидела, как подруга бросилась к своему рюкзаку. В другом конце комнаты Клаас и остальные пытались открыть ведущую на террасу дверь, но тщетно. Она была заперта. И тогда Клаас в отчаянии указал на окно, видневшееся через проем, в комнате с принтерами.

– Наружу! Нам надо наружу! Мы должны попробовать то окно.

Он устремился туда, забрался на подоконник и, закрыв голову руками, прыгнул вперед прямо сквозь стекло. Осколки полетели в разные стороны. Клаас приземлился на землю. И тогда Ильва последовала за ним.

Она поднялась на колени с газона, вытерла кровь с лица, и, заметив спину Клааса, который направлялся к дыре в ограде, поспешила следом. Ильва спотыкалась, но в конце концов оказалась по ту сторону забора, повернулась и помогла вылезти Ивану. Одна его рука, похоже, была сломана – она неестественно болталась вдоль туловища. Он плохо понимал, что произошло.

Позади послышался звук – открылась дверь террасы. Силуэты нацистов были едва различимы в слабом свете луны. Ильва перерезала веревки, которыми были привязаны каноэ. Они запрыгнули в них и сразу отчалили. За ее спиной Клаас активно работал веслом. Лодки быстро скользили по воде. Ильва увидела Ивана и Фредрика в каноэ впереди. Черт. Двоих не хватало. Эзги и Антона. Одно каноэ осталось на берегу...

– Мы не все. Мы не можем уехать, – сказала она и, опустив весло в воду, попыталась вернуть каноэ. Но Иван схватил веревку, привязанную на носу их лодки, и потянул их вперед.

– Слишком поздно. У нас нет против них ни единого шанса. Они убьют нас. Надо позвонить и вызвать подмогу.

Позади они слышали выстрелы. Одна пуля с глухим всплеском вошла в воду где-то совсем рядом. Потом прозвучало еще несколько хлопков, один за другим. Ильва наклонилась, погрузила весло глубоко в воду и быстро подтянула к себе – каноэ устремилось вперед. Они увеличили скорость. Руки болели от напряжения. Позади них пули продолжали шлепаться в воду, брызги летели в разные стороны. Потом стрельба прекратилась. Темнота поглотила их. Во фьорде стало тихо. Они остановили каноэ и прислушались. С суши еще доносились приглушенные голоса. Но среди них не было женского. Никаких криков о помощи. Никаких признаков того, что Эзги и Антон были еще живы.

Ильва теребила мобильник. Фредрик подплыл ближе и одарил ее сердитым взглядом.

– Чем ты занимаешься?

– Звоню в полицию. И это не обсуждается.

– Может, лучшую в «Скорую»?

– Я, черт побери, не могу позвонить им, поскольку их там встретит группа вооруженных нацистов.

Она раздраженно покачала головой и принялась набирать номер.

– Мне плевать, что ты думаешь о полицейских, но нам не из чего выбирать.

Со стороны дома послышалось еще несколько выстрелов, вспышки молниями сверкнули на том берегу. В нескольких сотнях метров впереди Ильва увидела берег, от которого они еще недавно отчаливали в полном составе и где скрытая в листве деревьев стояла их машина. Из динамика мобильного послышался голос оператора.

Они мчались на полной скорости по Виссвассвеген. По сторонам мелькал лес. Прицеп с каноэ им пришлось бросить на берегу. Они не могли рисковать встречей с полицией, им требовалось как можно быстрее добраться до Тюресё и затеряться там. Стражи порядка обычно крайне негативно относились к акциям АФА, абсолютно независимо от того, с какими бы благими намерениями их ни проводили.

Ильва нервно сжимала руль. Ее трясло от страха. Их не должны были убить...

Глава 2

Суббота

Ильва осторожно провела рукой по лбу. Она вся дрожала. Беспокойство никак не покидало ее. Рана начала заживать, но из-за небольшого воспаления немного нарывала и чесалась. Она удержалась от соблазна содрать корку и посмотрела на остальных. Иван, склонившись, сидел на одном из матрасов. Они обычно использовали их, когда требовалось на время укрыться где-то. Рядом на обшарпанном, покрытом грязными пятнами диване полулежал Фредрик.

Здание, в котором они укрылись, было из тех, где никому не захотелось бы оставаться надолго. Даже несмотря на то, что из-за своего местоположения и шикарного вида из окна земля, на которой оно находилось, считалась лакомым кусочком для компаний, занимавшихся строительством. Со стен местами сыпалась штукатурка, по углам можно было встретить голубиный помет и перья. Посередине комнаты стоял шаткий стол и несколько простых офисных стульев. Под двумя шкафами для документов виднелись ловушки для крыс, поставленные ими еще осенью.

Они редко использовали это место для своих встреч в последнее время. Только в критических ситуациях.

Минуло два дня со времени акции на нацистской базе, внезапно превратившейся в нападение на них самих. В ловушку. Где они все могли погибнуть. По данным анонимного источника Ильве, с которым она уже успела поговорить по телефону, приехав на место, полиция нашла Эзги в луже собственной крови. Нацисты к тому моменту уже успели сбежать. Фредрик связался с ее родителями утром после акции. Они никак не хотели подтверждать ему, жива она или нет, а лишь обвиняли его и всю их «чертову экстремистскую группу» в случившемся, а потом бросили трубку.

Антон ерзал, сидя на подоконнике. Он смотрел на залив Лильехольмсвикен. Узкая протока, тянувшаяся вдоль острова Реймерсхольм до пролива Полсундет, едва виднелась в висевшем над водой утреннем тумане. Он осторожно выглянул наружу сквозь разбитое окно. Здание, где они сейчас находились, почти сто лет принадлежало Объединению углекислотных заводов, но уже давно не использовалось и постепенно приходило в упадок.

Ильва уперлась взглядом в спину Антона. Он дал знать о себе накануне примерно тогда же, когда они дозвонились до родителей Эзги. Он сообщил, что с ним все нормально и что он отделался лишь несколькими царапинами. Он сказал, что не видел Эзги, когда бежал. Ильва изучала небольшую ссадину на его руке. Его спасение казалось чудом. Или как там еще это называют.

Она подошла к нему и встала рядом. У причала под окном не было ни души, если не считать бездомного, который копошился в слабом желтом свете под брезентом на деревянной посудине, где и жил. Суденышко едва держалось на плаву, но с тех пор, как они помогли ему заделать щели, в него, по крайней мере, перестала поступать вода. Взамен он предупреждал их о появлении нацистов, которые тоже облюбовали этот заброшенный завод на Левхольме. Для них это стало большим сюрпризом, но пока между собой они не сталкивались.

Ильва посмотрела на Антона. Вопросительно развела руки в стороны. Ждала ответа, но так и не получила его.

Антон скосился на нее, но не повернулся.

– Да, но сейчас, в любом случае, все обстоит именно так, как я сказал. Главное – мне удалось сбежать. А Эзги жива, – буркнул он.

Ильва ничего не ответила. Он был прав. Она, пожалуй, слишком остро реагировала, напридумывала всякой чепухи. Хотя, так или иначе, странностей хватало. Антон находился дальше всех в комнате, когда на них напали. И оставался в доме, когда они добрались до каное. И все равно ему удалось выбраться наружу почти целым и невредимым.

Он почувствовал взгляды других на себе, они, казалось, обжигали все тело. Живот заныл. Он посмотрел на друзей. Фредрик и Иван, похоже, находились на стороне Ильвы.

– Как я уже говорил, в общей суматохе мне удалось проскользнуть на чердак. Я подождал немного, а потом выбрался из дома и убежал через лес, – сказал он и, увидев вопросительный взгляд Ильвы, добавил: – Меня подвез какой-то парень, возвращавшийся с рыбалки. И я же не знал, что Эзги осталась там. Иначе, конечно, помог бы ей.

«Хотя что я мог бы сделать против семерых, – подумал он. – Было бы самоубийством оставаться там».

Фредрик наблюдал за происходящим с дивана, время от времени поглядывая на свой мобильник.

– Мне удалось связаться с сестрицей Эзги, – сообщил он. – Она лежит в Каролинской больнице. Ее ввели в искусственную кому. У нее отек мозга в результате кровоизлияния. Повреждена селезенка. Вывих голени и плеча. Ей собираются сделать рентген, чтобы проверить, нужна ли операция.

Он тяжело вздохнул.

– Она вполне могла умереть.

Антон угрюмо посмотрел на остальных. От стыда у него еще сильнее заболел живот. Эзги. Она одной из последних присоединилась к ним. А сейчас находилась в реанимации.

– Когда мы сможем навестить ее?

Фредрик покачал головой.

– Семья не хочет, чтобы мы приходили. Как я уже говорил, они считают нас виновными. Меня, по крайней мере.

Сестра Эзги ясно дала это понять, разговаривая с ним. Если бы Эзги не увлеклась политикой, ничего подобного не случилось бы. Если бы не АФА, она никогда не столкнулась бы с нацистами. Сам же Фредрик был частью проблемы, поскольку именно он внушил ей все эти идеи. Так считала ее семья. И не играло никакой роли, что он и Эзги были вместе, как и то, что между ними было полное согласие относительно того, чем они занимались.

Внезапно Ильва вышла на середину комнаты. Все уставились на нее. Она серьезно посмотрела на них:

– Они ждали нас. Кто-то предупредил их.

Луиса Шестедт, начальник отдела полиции Сити, закончила разговор по телефону и посмотрела в сад сквозь кухонное окно. В старой кормушке одинокий снегирь клевал жировой шарик³. Порой собственные сотрудники беспокоили ее в выходные, когда случалось что-то непредвиденное. Но звонок из СЭПО⁴ рано утром в субботу выглядел из ряда вон выходящим, даже учитывая, что ее контакт в этом ведомстве в последнее время довольно часто давал о себе знать. Особенно в последние полгода с тех пор, как ее людям пришлось принять участие в расследовании ряда дел, связанных с политическим экстремизмом. То есть тогда, когда служба госбезопасности просила их о содействии.

---

³ Питательный шарик для подкармливания птиц, состоящий по большей части из животного жира.

⁴ Служба государственной безопасности Швеции.

К снегирю присоединилась пара желтогрудых синиц, и ему пришлось быстрее работать клювом, чтобы не остаться без еды. Луиса улыбнулась. У всех были свои проблемы. Всем иной раз требовалась помощь. Даже ресурсов СЭПО порой не хватало. Тогда они подключали ее подразделение. Но данный случай она сама бы охотно забрала себе.

На мгновение телефон снова ожил. Пришли материалы от коллег. Она бегло просмотрела их. Интуиция ее не подвела. Едва начатое ими расследование относилось к той категории дел, которыми в последнее время и занималась ее группа. Правый экстремизм. Нанесение тяжких телесных повреждений. Пожалуй, организованная преступность. И снова здесь явно не обошлось без АФА.

Она прочитала итоговое медицинское заключение. Травма головы. Множественные ушибы. Внутреннее кровоотечение. Молодая девица двадцати трех лет по имени Эзги Ядав. Она вздрогнула. Пострадавшая была примерно того же возраста, что и ее племянница Линн Столь. И вдобавок принадлежала к той же самой организации. Хотя Линн давно порвала с ними и завязала с политической деятельностью... с левым экстремизмом.

Она снова обратила взор на замерзшие деревья. Племянница стала для нее тем ребенком, которого ей так и не подарила судьба. Эмили, ее младшая сестра и мать Линн, всегда была ужасно занята сама собой. Между ними никогда не существовало особо близкой связи, и, покинув отчий дом, они договорились встречаться, только когда это было абсолютно необходимо, что ранее означало лишь пару раз в год – на Рождество и в дни рождения родителей. А потом родилась Линн, и Эмили почему-то решила, что ее дочери обязательно требуется крестная мать. А поскольку для нее это означало человека, готового взять на себя заботу о Линн, если бы какая-то беда случилась с ней самой, она подумала о своей сестре.

Луису, конечно, удивило ее предложение, но одновременно и очень польстило. И ради роли крестной она в последующие годы научилась не обращать внимания на капризы сестры, ее безответственное поведение и экстравагантные увлечения. Она даже пыталась делать вид, что ей интересны все эти астрологические прогнозы, восточная философия и прочие вещи того же рода, которыми Эмили порой так активно занималась. Потом, правда, сестра решила лишить Луису статуса крестной. Они поругались из-за того, что Эмили посчитала нормальным оставить десятилетнюю девочку одну дома на несколько дней, когда у нее возникло желание обучиться реинкарнационной терапии⁵. И сестры снова стали видеться лишь несколько раз в год. Но к тому времени у Луисы сформировались глубокие и близкие отношения с Линн, и она продолжала регулярно встречаться с племянницей. Эмили не возражала против этого и как прежде ездила на всевозможные курсы, искала себя или с головой уходила в очередной волонтерский проект.

Став подростком, Линн начала проводить все больше времени у своей тети. Луиса кормила ее, помогала с уроками, обсуждала с ней мальчиков и другие проблемы. Как с дочерью.

Так продолжалось до тех пор, пока Линн не вступила в организацию под названием «Антифашистская акция» (АФА). Луиса поощряла ее интерес к политике, но не смогла смириться с тем, что племянница связалась с людьми, не брезгующими насильственными методами и постоянно нарушающими закон. Она даже поставила ей ультиматум, но не смогла вразумить Линн, и в итоге это привело к разрыву между ними.

Луисе так и не повезло родить самой, работа была для нее всем, пока под занавес жизни она не встретила своего мужчину. Но потом его не стало. Рак. С племянницей же Луиса возобновила контакты несколько лет назад, когда та, похоже, порвала с АФА и анархизмом. Когда Линн наконец перестала ненавидеть полицию. Даже если эта ненависть никогда не распространялась на ее тетю. Сейчас они даже практически работали вместе. По крайней мере, периодически.

---

⁵ Методика «исцеления души» посредством путешествия в прошлые жизни, в воспоминания.

Луиса продолжила изучать полученные материалы. Эзги ввели в искусственную кому. Преступление против нее еще не получило окончательной уголовно-правовой оценки. Пожалуй, речь шла о покушении на убийство. Едва ли о нанесении тяжких телесных повреждений, поскольку, судя по отпечаткам ног, нападавших было несколько, и их явно абсолютно не заботило, что жертва могла умереть.

Луиса допила кофе. Она, как ни старалась, так и не смогла отделаться от мысли, что эта же участь могла постигнуть Линн, если бы племянница не порвала с АФА.

Выйдя из дома, она направилась к машине, завела мотор и медленно поехала вдоль рядов домов. Соседи не теряли времени зря в свой выходной и активно сгребали в кучи уже показавшиеся из-под растаявшего снега листья. Некоторые обрезали деревья, в то время как дети прыгали на мокрых батутах или буксовали на своих скейтбордах по гравийным покрытиям тротуаров.

Луиса снова подумала о племяннице. В последний раз они общались несколько недель назад. А в прошлом году вместе трудились над раскрытием двух серьезных преступлений. Однако сейчас ее знания специалиста по дешифровке вряд ли могли пригодиться. И ей наверняка было бы психологически тяжело заниматься этим делом, тем более если она – в худшем случае – знала кого-то из замешанных в нем активистов АФА. Луиса миновала станцию Тиббле и, повернув на Гриндторпсвеген, выехала в направлении трассы E18⁶. После этого она сразу набрала номер Рикарда.

Комиссар полиции Сити Рикард Стенландер крепко обнял сына. Он так долго прижимал его к себе, что тот уже начал вырываться. Элвин, смеясь, выскользнул из объятий отца и шмыгнул ему за спину.

– Скоро увидимся, папа! – крикнул он и побежал вприпрыжку к Марианн, бывшей жене Рикарда, которая стояла в дверях на Стюрмансгатан. Она улыбнулась и помахала рукой бывшему мужу, а потом исчезла в доме. В окне на одном из верхних этажей Рикард заметил Мартина, ее нового супруга.

Мария ждала его в машине, припаркованной на соседней улице. Она была занята своим мобильником. Наверное, изучала какие-то материалы, связанные с работой. Она была экспертом-криминалистом. Рикард наблюдал за ней, когда подходил к автомобилю. Ее белокурые локоны стали уже достаточно длинными, и она все чаще собирала их в конский хвост, как сейчас. Мария уже успела слегка загореть, пока каталась с дочерьми на лыжах во время каникул. Красивая как всегда, она все равно выглядела немного усталой в последнее время. Пожалуй, так на нее повлияла смерть матери, случившаяся сразу после Рождества. Но, возможно, причина была в чем-то другом. Однако Рикард не верил, что все это могло иметь какое-то отношение к нему или Элвину, хотя последние месяцы, когда они делали попытки встречаться вместе с детьми, выдались непростыми. Они решили попробовать придать своим отношениям более открытую форму и постепенно сделать их более естественными, будничными. Чтобы общаться нормально, не придавая отношениям вид случайных встреч, обедать вместе, пить кофе, ходить в кино или просто смотреть телевизор вечерами. Крошечными шажками они старались наладить контакты с детьми друг друга, завоевать их доверие и приучить к новой обстановке. Они следили за их реакцией. Отступали, если раздражение детей казалось им слишком серьезным. Осторожно пробовали снова. В последнее время они пытались жить то у нее, то у него дома вместе короткими периодами. С целью в перспективе съехаться. По крайней мере, он надеялся, что они оба видели это так.

Рикард сел за руль. Мария продолжала возиться с телефоном.

---

⁶ Европейский маршрут, который тянется из Северной Ирландии до России через Великобританию, Норвегию, Швецию и Финляндию.

– Полицейский из Флемингсберга встретит нас на месте, – сообщила она. – Некий Еран Хаммар. Именно он принял сигнал тревоги и был там вместе с группой силовой поддержки в четверг вечером.

Рикард кивнул.

– Девица в Каролинской больнице уже пришла в себя? – поинтересовался он.

– Они попробуют вывести ее из комы после обеда, – ответила Мария. – Отек мозга спал, и они, похоже, надеются, что ей удастся полностью прийти в норму. Кровотечение, возникшее в результате повреждения селезенки, тоже прекратилось. Поэтому прогноз положительный.

«Можно и так сказать», – подумал он, но ему не составило труда понять, что она имела в виду.

– Человека, который позвонил и сообщил о случившемся сразу после нападения на дом, не удалось вычислить, – продолжила Мария. – Телефон оказался с левой сим-картой. По записи трудно понять, сделал ли это нацист, пожалевший о том, что все зашло слишком далеко, или кто-то из сбежавших членов АФА, беспокоившийся за судьбу оставшегося товарища. Разговор был короткий и конкретный: стрельба, суматоха, серьезно раненные люди. И адрес. Вот и все.

Они миновали мост Сканстуллсбрун и поехали по Нюнесвеген в сторону Тюресё. Рикард уставился на пустую дорогу, но видел перед собой счастливое лицо сына. Предыдущим вечером Элвину впервые удалось сбить несколько кеглей, когда они играли в боулинг на Хорнсгатам. К тому же они там были вместе с дочерьми Марии. И весело провели время в такой компании. Дети понравились друг другу.

Он повернул на Тюресёвеген. Улыбка сына испарилась, вместо нее возникло изуродованное лицо. Опухшее, изможденное, с запекшейся кровью. Девицы из АФА. Эзги. Фотография была приложена к отчету медиков, который переслала Луиса.

Мария включила навигатор и вывела карту на экран мобильного. Они повернули и миновали церковь Тюресё. Хвойный лес склонился над ними с двух сторон, сейчас они ехали по дороге, носившей странное название Виссвассвеген. Рикард устало моргнул. Сосны стояли так близко, словно они собрались пройти пешком по все более сужавшейся дороге. Мария покачала головой.

– Это же настоящий Норрланд. Нацисты вполне обоснованно думали, что их здесь никто не побеспокоит.

«В Норрланде скоро и деревьев-то почти не останется, – подумал Рикард, – если вспомнить, какими темпами там идет вырубка».

Они свернули на узкую грунтовую дорогу. В конце ее виднелся полицейский автомобиль. Рядом стоял Еран Хаммар. А за ним виднелся железный забор, большая калитка была открыта. В слабом свете уже опускавшегося к горизонту солнца они увидели небольшой красного цвета дом, огороженный бело-голубой лентой.

Благодаря мощным люминесцентным лампам под потолком они сразу заметили пятна крови на полу и на стенах. Рикард натянул поверх одежды белый защитный комбинезон и занялся осмотром серверной. В ней вне всякого сомнения произошло что-то серьезное. По всей комнате были расставлены таблички с номерами. Они указывали на то, что на этих местах ранее находились улики, ныне изъятые. Сильный запах бензина бил в нос и почти перебивал запах крови.

Он вздохнул. Значит, именно здесь девицу чуть не забили до смерти. Мария опустилась на колени, чтобы собрать с пола какие-то волокна. Специальный пакет для сбора биологических следов лежал наготове рядом.

– Я возьму несколько повторных проб, раз уж мы все равно здесь, – сказала она и достала ватные палочки. – Судя по большому количеству размазанной крови и многочисленным следам обуви, народу тут хватало.

– Да, я видел бумаги, которые Луиса получила из СЭПО, – подтвердил Рикард. – Пара из участников инцидента уже идентифицирована по отпечаткам пальцев. Все они – нацисты с приличными послужными списками, мы отыскали их в наших регистрах. Телефон одного из подозреваемых ранее уже прослушивали.

Еран Хаммар стоял в дверном проеме и наблюдал за ними.

– Я уже переслал вам отчет экспертов, – заметил он и покачал головой. – Здесь была настоящая бойня. А посреди комнаты лежала молодая женщина. Вся избитая. Большая берцовая кость торчала сквозь колготки. Она едва соображала. Просто чудо, что ей удалось выжить.

– Никаких следов преступников?

Он покачал головой.

– Сюда не так просто добраться из Флемингсберга. Кроме того, нам пришлось ждать пикет. У них было достаточно времени, чтобы смыться.

Мария вздохнула.

– Даже несмотря на то, что в комнате полно следов, будет трудно определить, кто именно и чем здесь занимался. Многие из собранных здесь отпечатков, на которых нет крови, могли с тем же успехом появиться ранее, когда нацисты находились в доме. По крайней мере, так они и будут утверждать.

Рикард вышел в другую комнату. Запах бензина чувствовался здесь сильнее. На полу рядом с принтерами лежали пустые бутылки, скорей всего из-под него. Нечеткий отпечаток обуви виднелся в смешанной с бензином пыли. Стекло в окне отсутствовало, его временно заменили куском пластика. Еран Хаммар вышел вслед за ним и открыл дверь на террасу.

– Друзья Эзги, судя по всему, выбрались наружу, разбив окно, а потом сбежали с помощью лодок, об этом говорят следы на берегу и оставленное каноэ. Преступники стреляли по ним, – сказал он и указал на склон перед домом. – Эксперты собрали немало гильз.

Рикард посмотрел вдаль на воду. С того места, где они стояли, открывался изумительный вид. У причала лебеди ныряли за водорослями, а по ту сторону фьорда рос густой лес.

Швеция.

Он подумал, что люди, обосновавшиеся в этом здании, наверное, высокопарно называли ее «Отечество» или, пожалуй, «Фатерлянд» на немецкий манер.

Он достал мобильник и вывел на экран дополненный материалами СЭПО рапорт пикета, который в качестве группы силовой поддержки первым прибыл на место. Судя по нему, арендовавшая здание организация являлась некоммерческой. Она нигде ни числилась, ни разу не предоставляла годового отчета о своей деятельности, какие-либо данные о ее руководстве также отсутствовали. СЭПО уже давно следило за их контактными лицами, Карлом Павичем, который вел переговоры с муниципалитетом Тюресе. Они получили разрешение на прослушивание его телефона после того, как он был задержан за избивание человека во время нацистской демонстрации, устроенной возле места проведения книжной ярмарки в Гетеборге.

Этот тридцатидвухлетний господин имел богатое криминальное прошлое, и совершаемые им преступления становились все более серьезными в последние годы. Сговор с целью убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, нападение на доверенных лиц политиков, поджог... Его давно не видели по последнему известному адресу пребывания, но объявили в розыск всего несколько часов назад. Именно Рикарду, помимо всего прочего, предстояло этим заниматься. Его коллега и подчиненный Эрик Свенссон получил все нужные для этого материалы еще до того, как они с Марией отправились в путь, и сейчас он уже должен был полным ходом разбираться с последними перемещениями Павича.

Осторожно перешагивая участки газона, где ранее нашли пустые гильзы, о чем свидетельствовали оставленные на земле маркеры, Рикард направился к проделанной в заборе дыре, за которой находилась узкая полоска берега. Он осмотрел оставленное там каноэ и повернулся к Марии, следовавшей за ним.

– Они бросили одну из своих лодок. Пожалуй, были и другие пострадавшие, помимо Эзги, которые не могли грести, – сказал он и подошел к видневшимся на снегу следам. Эксперты огородили лентой эту территорию, чтобы никто случайно не затоптал их. Следы заканчивались у прислоненной к стене дома скамейки. Рикард снова вывел на экран мобильного отчет экспертов, полученный от Ерана Хаммара.

– Они проникли внутрь через второй этаж, чтобы обойти сигнализацию, – констатировал он и кликнул по сообщению, которое внезапно появилось на экране.

– Эрик связался с больницами, – сказал Рикард, прочитав послание, – но пока не удалось обнаружить ничего, что можно было бы напрямую связать с четверговым происшествием. Никаких ножевых или пулевых ранений. Зато есть случаи побоев соответствующего характера, правда жертвы ничего не рассказывают о том, как их получили.

Он вздохнул. Ни нацисты, ни члены АФА обычно не проявляли желания сотрудничать.

– Однако Эрик нашел кое-что по Эзги. Мелочи по сравнению с нацистом Карлом Павичем, – сообщил он и прочитал вслух: – Неподчинение решению суда, препятствование проведению общественных мероприятий, нарушение запрета на ношение масок в публичных местах. Все в связи с АФА.

– Самым серьезным, похоже, является предполагаемое участие в попытке помешать проведению собрания «Скандинавского движения сопротивления» на площади Мюнтторгет несколько месяцев назад и возникшей тогда жестокой стычке. Но это дело закрыли в связи с отсутствием доказательств, – добавил он, прокрутив сообщение далее.

Рикард пошевелил замерзшими пальцами, рассеянно рассматривая следы косули рядом на снегу. Мария тем временем просматривала отчет дежурных экспертов на своем телефоне.

– Двоих нацистов идентифицировали? – переспросила она.

Рикард кивнул.

– Уже упомянутого мной Карла Павича и, как ни странно, женщину. Клару Рессель. Оба члены «Скандинавского копья», агрессивной группировки, созданной перебежчиками из разных правоэкстремистских организаций, которым надоело ограничиваться только сетевой борьбой.

Мария вывела на экран снимок нескольких пронумерованных отпечатков обуви из дома.

– Всего, похоже, внутри находилось порядка пятнадцати человек. Если все были там одновременно. Однако многое указывает именно на это, если учесть следы бензина и крови на отпечатках подошв, а они есть почти на всех, – сказала она и кликнула на фотографии пустых бутылок и тепловизора, лежавшего на траве.

– Люди из АФА вряд ли рассчитывали встретить кого-то в доме, – добавила она. – Они пришли сжечь базу нацистов до основания.

Рикард взглянул на таблички внизу, указывавшие места, где ранее валялись пустые гильзы, и перевел взгляд на фасад дома.

– Несмотря на то, как тщательно они подготовились, что, скорее всего, знали о сигнализации на окнах первого этажа, им явно не хватило какой-то важной информации, – сказал он.

– Если их умышленно не заманили в ловушку... – заметила Мария.

Глава 3

«Если бы взгляды могли убивать, меня сейчас уже не было бы в живых», – подумал, потупив взор, Эрик Свенссон, инспектор отдела расследований полиции Сити. Линн Столь смотрела на него с другой стороны стола, ее голубые глаза сейчас метали молнии. Они мгновенно сузились от злости и, казалось, могли испепелить его.

«Никто не может выглядеть столь же рассерженным, как Линн, когда она считает, что с ней несправедливо обошлись», – подумал он.

Ему следовало подумать, прежде чем открывать рот.

Но сейчас уже было поздно.

– Ты же знаешь, в чем дело. Тайна следствия... Я не могу рассказать больше, – промямлил он и смущенно заерзал на стуле. Конечно, она считалась практически сотрудником полиции после тех двух расследований, в которых они участвовали вместе в прошлом году. Но в то же время считать ее полностью своей он не мог и не имел права. В молодости она была активным членом АФА и даже провела какое-то время в тюрьме за преступления против государственной безопасности после ряда акций под их знаменами. Об этом и зашла речь, когда, болтая с ней, он упомянул, что его отдел подключили к расследованию, касавшемуся избиения активистки данной организации.

– Кончай, Эрик. Ты же разговариваешь со мной, а не с какой-то журналисткой, – сказала она и чуть не добавила «с человеком, с которым ты занимался сексом», но вовремя спохватилась. – Когда раньше я помогала вам с расследованиями, вы рассказывали мне многое такое, о чем я даже не просила. Что изменилось?

Он выглядел угрюмым. Она поняла, что зашла слишком далеко. Но все, имевшее отношение к АФА, касалось ее лично. Это была часть ее прошлого. Она понизила голос и накрыла ладонью его руку.

– Возможно, это кто-то из моих знакомых. Кто-то, с кем я работала. Ты же понимаешь, что я беспокоюсь?

Он поднялся и взял ее чашку.

– Я принесу добавки, – сказал он, а потом исчез в кафе, где заказал еще кофе им обоим. Его слегка потряхивало. Им, пожалуй, следовало перебраться в здание. С другой стороны, ей не помешало бы еще немного охладиться. Он посмотрел сквозь окно на Линн, она сидела на синем пластмассовом стуле снаружи. Отсюда казалось, что проезжающие по Хорнsgатан автомобили чуть ли не задевали ее. Рассказанная им новость взволновала Линн сильнее, чем он ожидал. Ее политическая борьба осталась в далеком прошлом. Но она, наверное, так и не смогла окончательно порвать с ним. И, кроме того, похоже, сохранила те же анархистские взгляды – достаточно было вспомнить, как негативно она относилась к любым правилам и авторитетам.

Он покачал головой. Существовали четкие директивы относительно того, что он мог рассказывать о расследованиях.

Одновременно он с неохотой признался самому себе, как сильно она повлияла на него с тех пор, как они впервые встретились. Это было почти год назад, во время расследования «кукольного убийства». Он никогда раньше не интересовался политикой, а сейчас его мобильник был наполовину забит материалами о представителях движения «Black consciousness» и рассылками с сайта движения «Black Lives Matter». И в каком-то смысле он был солидарен с ней: подчиняться правилам и авторитетам ему не нравилось точно так же.

Он сел напротив нее, дотронулся до массивной золотой цепи на своей шее, висевшей поверх мешковатой кенгурухи фирмы Cross colour – он нашел ее на eBay, когда искал что-нибудь *винтажное* в стиле *олдскульного хип-хопа* – и пододвинул чашку Линн.

– Пострадавшая выкарабкается. Это единственное, что я могу сказать.

– Нацисты из тех, с кем мы сталкивались прежде? – поинтересовалась она.

Он улыбнулся в ответ. Сказав «мы», она имела в виду полицию, а не АФА. Он покачал головой.

Линн вздохнула. Насколько она знала из данных фонда «Экспо», в последние годы число членов правоэкстремистских организаций в стране особо не увеличивалось. Сейчас их оставалось примерно столько же, как и пятнадцать лет назад. Ей хотелось верить, что она тоже способствовала этому, оказывая посильную помощь своим старым знакомым, с которыми у нее сохранились отношения. Но нацисты стали активнее. И более жестокими. На смену отправляющимся на покой «старикам» приходила более агрессивная молодежь.

Зазвонил мобильник, и Эрик отвернулся, чтобы ответить. Он буркнул что-то в трубку, а потом посмотрел на нее с извиняющимся видом.

– Это Рикард, – сказал он. – Полиция Седермальма задержала одного из находившихся в доме нацистов. Мне надо туда.

Линн схватила его за руку.

– Я отпущу тебя, если ты скажешь, к какой группе он принадлежит. Это же никак не скажется на расследовании?

Она убрала руку. Эрик колебался. Он понимал, что газеты все равно докопаются до этого довольно быстро. Он, пожалуй, может рассказать ей. У него не было ни малейшего желания ссориться с Линн, и он понимал ее беспокойство.

– «Скандинавское копье». Это группа, отколовшаяся от «Скандинавского движения сопротивления», насколько мне известно.

Она кивнула. Название ей приходилось слышать раньше, хоть она и не знала ничего конкретного о них.

Эрик направился в сторону отделения полиции Седермальма, здание которого находилось в квартале от кафе, где они только что сидели. Он обернулся и посмотрел на Линн, та шла в другом направлении со скейтбордом в руке.

«Зачем ей доска зимой?» – подумал он и поддел носком ботинка гравий, толстым слоем покрывавший тротуар как напоминание о снежной зиме, хочется надеяться, подошедшей к концу. Здесь вряд ли можно проехать на скейтборде без риска для жизни.

Шагнув в двери здания полиции на Торкель Кнутссонсгатан, он подумал не без удовольствия, что правильно поступил, согласившись выпить с Линн кофе вместо пива, как собирался изначально. До конца его рабочего дня было еще далеко. Он поздоровался с Юханом, заместителем начальника по оперативной работе, тот встретил его у лифтов и показал, как пройти в допросную. Они едва знали друг друга, но по твитам коллеги Эрик давно понял, что между ними много общего. Особенно ему понравился иронический *пост об оскорблении легко обижающихся людей*, который успел разозлить многих с тех пор, как полиция выложила его на своей странице в Фейсбуке. Сам он, однако, посчитал это довольно ребяческим поступком, особенно если учесть, сколько шума наделала развернувшаяся год назад во всем мире кампания против сексуальных домогательств #MeToo.

Два охранника из изолятора временного содержания ждали снаружи у двери допросной. Эрик сел за стол напротив Карла Павича. На голой стене висела камера. Он включил ее на запись и, не сводя с задержанного глаз, задал ему пару формальных вопросов, уточняя личные данные. Тот сидел, отклонившись назад и скрестив руки на груди, и качался на стуле. Он беззаботно улыбался. Ему уже приходилось иметь дело с полицией. И, судя по презрительному взгляду нациста, одетый в свободную рэперскую одежду темнокожий Эрик вызывал у него особую неприязнь.

Карл Павич выглядел по-настоящему мерзко. Его злые глаза с крошечными черными зрачками враждебно тарасились прямо на Эрика. Он был шатеном с короткими, стриженными «ежиком» волосами и носил очки в круглой металлической оправе. Как у Гиммлера.

Эрик скосился на камеру, проверяя, куда она была направлена, и, убедившись, что это не попадет на запись, ударил ногой под столом по ножке стула. Павич беспомощно повалился назад. Затылком он ударился о бетонный пол, раздался неприятный глухой звук. Эрик быстро поднялся.

– Ой, как неосторожно. С тобой все нормально? – поинтересовался он.

Лицо задержанного скривилось от боли. Сжав зубы, он поднял стул и сел на него снова, не проронив ни звука. Однако его губы зашевелились, словно он произнес: «*Чертов ниггер*». Эрик встретился с ним взглядом.

– Ты один из руководителей «Скандинавского копья». Позавчера в вашем центре в Тюресё жестоко избили человека. Согласно результатам экспертизы ты находился там, – констатировал он.

Павич пожал плечами.

– Как ты сам сказал, я один из руководителей, – буркнул он. – И навещаю туда через день. Но позавчера меня там не было. У меня алиби. Всю ночь я находился в офисе «Скрытой правды» на Грев Турегатан, помогал им. Это медиаагентство. Мы запустили новую кампанию в выходные.

Презрительная улыбка вернулась на его лицо. Взгляд же излучал ненависть. Он развел руки в стороны:

– Там хватало людей, которые могут подтвердить это.

Карл Павич внимательно посмотрел на темнокожего полицейского. Он не сомневался, что Клара справится с кампанией в СМИ без него. И со всем другим тоже. Она знала, что делать, пока он будет сидеть в камере. Он полностью полагался на нее.

Эрик тихо вздохнул. Он уже познакомился с агентством «Скрытая правда» во время облавы в мае и не имел ни малейшего желания знать, что за новый поток ненависти с их помощью вырвался наружу. Однако он был уверен, что они не моргнув глазом подтвердят историю Павича. Задержанный наклонился к нему.

– Вы лучше бы проверили левых экстремистов. За попытку поджога отправляют ведь в тюрьму? – уточнил он.

– Откуда ты знаешь, что речь идет именно об этом? – спросил Эрик. Стриженный «ежиком» мужчина ухмыльнулся.

– Анархисты. Они же занимаются именно этим. Бомбы и поджоги.

«Тебе самому хватит покушения на убийство и тяжких телесных», – подумал Эрик, хотя прекрасно понимал, что отправить за решетку Карла Павича вряд ли удастся. Никаких свидетелей. Преступники, скорей всего, были в масках, как и их жертвы. Никто не хотел говорить. Единственной зацепкой была молодая женщина в больнице. Но она еще не пришла в себя.

И никто не знал, произойдет ли это с ней вообще и когда именно.

Он сделал последнюю попытку.

– Мы задержали Клару Рессель, – соврал он в надежде, что его ложь поспособствует свершению правосудия. – Она призналась, что вы находились в том доме в четверг вечером.

Карл Павич широко улыбнулся. Он посмотрел на Эрика с явным превосходством.

Эрик уставился вперед сквозь лобовое стекло автомобиля, ругая себя на чем свет стоит. Они не могли оставить Павича у себя. Шансы, что кто-то станет свидетельствовать против него, выглядели ничтожно. Хотя, даже если он и не находился тогда в доме, наверняка имел какое-то отношение к произошедшему. Медиаагентство «Скрытая правда» являлось частью общей сети, как и организации, отвечающие за найденные в здании на берегу фьорда принтеры

и снаряжение. Он заехал в гараж штаб-квартиры полиции на Кунгсхольмене и поднялся на лифте к своему кабинету.

Увидев на экране компьютера выстроившиеся в хронологическом порядке результаты поиска, Эрик обреченно покачал головой. Программа нашла имя Карла Павича во всех полицейских регистрах, в списках лиц, которые только подозревались в совершении преступлений, а также тех, кто в данный момент находился под следствием или уже отбыл вынесенное судом наказание. Павич был активным человеком. И, вероятно, ключевой фигурой в нацистском движении. По крайней мере, в тех ячейках «Скандинавского копья» и «Скрытой правды», к которым принадлежал. Эрик бегло просмотрел обнаруженные материалы. Павича неоднократно судили за преступления с применением насилия. И он уже не единожды отбывал тюремный срок. Но ни разу за убийство. Во всяком случае, ни одного из тех, в которых его подозревали (а таковых имелось два), не удалось доказать, судя по закрытым в отношении его делам. СЭПО уже какое-то время прослушивала его телефон, но это ничего не дало. Похоже, он часто менял свой реальный контактный номер.

Имя Клары Рессель ранее всплывало в нескольких расследованиях. Эрик проверил и ее тоже. Несмотря на молодой возраст, ей было всего двадцать четыре года, за ней уже числилось немало прегрешений. И в принципе, речь шла исключительно о применении насилия: нанесении телесных повреждений, причинении смерти по неосторожности – за что она дважды сидела в тюрьме, и нескольких попытках убийства. Эрик изучил ее фотографию. Красивая: голубые глаза, длинные светлые волосы, идеальная кожа. Клара Рессель словно жила спокойной и безмятежной жизнью. Внешне явно напоминала Линн. Но находилась с другой стороны политического спектра.

Эрик тяжело вздохнул. Он оказался в тупике. Люди из «Скрытой правды», естественно, подтвердили алиби Карла Павича. Чуть ли не раньше, чем он успел задать вопрос. Он продолжил кликать и в конце концов добрался до результатов расследования последнего месяца, в котором фигурировала Клара Рессел. Ее подозревали в нескольких преступлениях с применением насилия, но все дела закрыли за недостатком доказательств.

Он кивнул сам себе. Она, пожалуй, могла бы многое рассказать о том, что случилось, когда Эзги избили. Если бы им удалось ее найти. Он объявил Клару в розыск утром, но пока ему еще не сообщили ничего интересного.

За неимением лучшего он погуглил имевшие отношение к этому делу нацистские организации. Проверил обновления на странице фонда «Экспо».

Дверь кабинета открылась. Вошел Рикард.

– Хорошо, что ты здесь. Как дела с нашим нацистом? – спросил он.

– Никак. Он скоро будет на свободе. У него алиби, – ответил Эрик.

Рикард разочарованно покачал головой.

– На результаты экспертизы тоже не стоит рассчитывать, – сказал он. – Оружия, которое использовали нацисты, нет в доме. Никаких окровавленных палок, железных труб или чего-то похожего. Только неиспользованные дубинки и щиты, вероятно, приготовленные ими к следующей так называемой *народной демонстрации*.

Он сухо рассмеялся.

– Или для нападения на участников какой-нибудь антирасистской акции, на которых, как правило, собираются семьи с детьми, – добавил он и, достав свой мобильник, показал на нем фотографию стола, заваленного оружием, сделанную в экспертной лаборатории. – Слезоточивый газ, наверное, принесли люди из АФА. Он был не нужен нацистам. Они, похоже, сидели в засаде в лишенной окон серверной. Да они первыми бы задохнулись, если бы распылили его в комнате, пока избивали непрошенных гостей.

– Противогазы?

– Нет. Если верить Эзги, попавшей в больницу девице из АФА, на них были только балаклавы. Полицейским, прибывшим на место, она, помимо своего имени, успела сказать только это, прежде чем отключилась. Шокер тоже принадлежал АФА. Он находился у Эзги, когда вошли парни из пикета. Она так и не успела его достать, когда на нее напали.

– И слава богу. Иначе ее, пожалуй, застрелили бы. Да и он все равно помог бы только против одного нападавшего. Нам удалось связаться с ее близкими?

Эрик кивнул.

– Коллеги из Флемингсберга установили ее личность по карточке членства в фитнес-клубе, валявшейся в ее рюкзаке. В остальном при ней не было ни документов, ни мобильного, – сообщил он.

Рикард просмотрел фотографии из материалов расследования, присланных на его телефон. Бутылки из-под бензина. Шокер. Потерянный почти на самом берегу тепловизор.

«АФА тоже не самые безобидные люди», – подумал он.

Это полностью расходилось с болтовней Линн о пацифизме. И отсутствии насилия. Зачем тогда ее бывшие товарищи явились туда с оружием? Даже если оно не считалось смертельным. Ее аргументы казались фальшивыми. Он знал, что АФА много говорили о праве на самозащиту в борьбе с фашизмом. О превентивных акциях. О конечной цели, оправдывающей средства. Последний аргумент, с его точки зрения, уже принес немало страданий людям на земле. Никакие благие намерения, ведущие к насилию, не могли его оправдать.

Рикард скосил взгляд на Эрика, тот усердно барабанил по клавиатуре. Они с Линн недавно виделись. Он хорошо знал своего напарника и почти не сомневался, что тот в разговоре с ней упомянул о деле, связанном с АФА. Но в данном случае они не могли подключить ее. Даже если бы появились материалы, с которыми она могла бы помочь как эксперт по дешифровке.

Это слишком касалось ее лично. Она, пожалуй, с пониманием относилась к таким вылазкам АФА. А возможно, и одобряла вооруженные акции подобного рода. Ему хотелось бы верить, что это не так, но он не знал наверняка. Она уже связалась с ним, прислала эсэмэс. И правильно сделала. Им нужно было поговорить.

Но о еще одном расследовании совместно с экспертом по компьютерам, ранее входившим в АФА и осужденным за антигосударственное преступление, сейчас не могло быть и речи.

– Кофе?

Эрик последовал за Рикардом в кафетерий. Кофемашина сначала жужжала, перемалывая зерна, а потом завибрировала, когда вода нагрелась, и горячий напиток стал наполнять бумажные стаканчики. Эрик взял себе кофе с молоком. Кивком головы он указал на свой мобильник.

– Я проверил немного, что там у них происходит. Нацисты стали активнее. Павич и Клара Рессель принадлежат к отщепенцам из «Скандинавского копья». У них, похоже, продолжается внутренний конфликт между разными группами. В основном они не сходятся во мнении касательно того, как привлекать к себе внимание. Многие хотят отполировать аргументы, смягчить лозунги и сделать свой имидж более привлекательным, чтобы пойти по стопам социал-демократов. С этим не согласны члены «Скандинавского копья» и агентства «Скрытая правда», с которым они объединились.

Он сделал пару манипуляций с телефоном и показал его Рикарду.

– Этих полудурков ты наверняка помнишь.

Рикард наклонился и посмотрел на экран. Сайт «Скрытой правды». Английская статья. «*Malmö, rare capital of Sweden*»⁷. Эрик кликнул по другому заголовку: «*Марш против предателей. Тренировочный лагерь. 20 марта*». Он поднял глаза на напарника.

---

⁷ Мальме, Шведская столица насилия (англ.).

– Они стали более агрессивными. И активнее. Это, пожалуй, не касается тех компьютерных ботанов из офиса на Грев Турегатан, с которыми мы столкнулись в мае. Но не они идут в авангарде, – сказал он.

Рикард кивнул.

– Я получил в СЭПО последний известный адрес Клары Рессель. Оперативники уже там, но пока она не появлялась у своего жилища, – сообщил он и направился к двери, но по пути повернулся и поинтересовался: – Что сказала Линн, когда вы встретились?

– Она была взволнована. Беспокоилась, что может знать кого-то из пострадавших. Интересовалась подробностями.

– Не говори ей ничего о расследовании, – сказал Рикард и посмотрел внимательно на Эрика, пытаясь понять, как много тот уже успел рассказать. – Это слишком сильно касается ее. Сам знаешь, что может произойти, если она поддастся эмоциям.

Эрик отвел взгляд в сторону. Он знал. Воображение уже рисовало ему горящие яхты, взорванные автомобили, умирающих сторожевых собак, взломанные компьютеры. Но он же ничего не рассказал. Почти ничего. Рикард угрюмо кивнул и вышел в коридор. Мобильник в кармане завибрировал. Он открыл сообщение и прочитал его.

– Я выезжаю в больницу к Эзги. Ее родители только что были там. Ее вывели из комы. Она не в лучшем состоянии, но с ней можно общаться, – сказал он догнавшему его Эрику.

– Прекрасно, – ответил тот.

Рикард кивнул.

– Нам надо найти других членов АФА, находившихся с ней в том доме. Может, они видели что-то. Достаточно, если только один из нас поедет к ней, чтобы это не выглядело как спецоперация группы силовой поддержки. Возможно, она настроена так же, как Линн, когда мы впервые встретились. Считает, что полиция ничем не лучше нацистов, – сказал он и, взяв свою куртку, уже собрался пойти к лифтам, но на мгновение остановился и добавил: – Проверь еще в регистрах «Скандинавское копьё» и «Скрытую правду». Созвонимся позднее вечером.

Рикард наблюдал за лежавшей на больничной койке женщиной сквозь стеклянную перегородку. Она напоминала ему мумию. Ее голова была полностью перебинтована. Поврежденная нога покоилась в неподвижном положении. Он переговорил с родителями Эзги по дороге. Они были крайне обеспокоены. Но не знали ничего о случившемся. А также ничего не могли сказать о тех людях, с кем она обычно общалась, кроме их имен.

Ее врач неохотно дал ему лишь пять минут. Не более.

Он осторожно открыл дверь. Эзги с тревогой посмотрела на него, хоть он и был в гражданском. Потом ее взгляд начал блуждать по сторонам. Рикард увидел налитые кровью, наполненные страхом глаза, опухшее лицо, напоминавшее единый синяк там, где его не скрывала повязка. Он встал рядом с кроватью и представился, стараясь использовать как можно более мягкий тон. Наклонился вперед.

– Медсестра говорит, что вы идете на поправку. Вам повезло, – сказал он и еле заметно кивнул. – Вы не видели лиц напавших на вас?

– Они были в масках. Шесть или семь человек, – прошептала она едва слышно.

– Что вы делали там?

Никакого ответа.

– Кто был с вами?

Она снова промолчала. Ничего иного он и не ждал.

– Фредрик. Антон. Ваши родители назвали мне несколько имен. Но у них нет ни телефонных номеров, ни адресов. Нам необходимы свидетели, чтобы мы смогли задержать кого-то из нападавших и предъявить им обвинение.

«Чтобы посадить тех, кто чуть не убил тебя», – подумал он.

Эзги еле заметно покачала головой и простонала от боли.

– И вы знаете. И я знаю. Это бесполезно, – промямлила она дрожащим голосом.

Линн сидела на скейтборде, уставившись на пустынный пляж в Танто. Деревянные причалы были белыми от инея. Крошечные сосульки свисали с альпинистской стенки, с которой летом молодежь обычно прыгала в воду. Недовольная, она закрыла полученное сообщение. Отправив зашифрованное послание через Hushmail, Линн получила ответ напрямую из отделения АФА в Линчепинге. И все равно ничего не узнала. Ей только подтвердили факт нападения на группу в Стокгольме. Ничего более. Особенно раздражало, что она не знала, было ли причиной такого ответа недоверие к ней, или они сами не располагали более подробной информацией о случившемся.

Но, в принципе, это не играло никакой роли. Она же практически порвала с ними. И решила не лезть в это дело. Да и пострадавшую вряд ли знала. А АФА вполне могли справиться без ее помощи. То же самое касалось полиции. Сначала они буквально умоляли ее помочь в двух предыдущих расследованиях, которые иначе и не смогли бы раскрыть. И пусть для нее это означало отказ от собственных убеждений, она все равно пошла им навстречу и оказала необходимое содействие. Своим бывшим врагам. Будучи в долгу перед тетей. И поскольку она постепенно стала считать и Рикарда, и Эрика своими близкими друзьями.

К сожалению, это чувство явно не было взаимным.

Она раздраженно пнула ногой кучу гравия. «Скандинавское копье». Название. Вот и все, что ей удалось вытянуть из Эрика. А Рикард даже не соизволил с ней поговорить, несмотря на эсэмэски, которые она отправила ему. Она собиралась припомнить им это, когда они зайдут в тупик с очередным закодированным жестким диском.

Линн поднялась, толкнула вперед скейтборд, выехав на мелкие камни, свалилась и, выругавшись, встала на него снова.

Эрик резко поднялся и убрал компьютер с кухонного стола. Он решил закончить с работой на сегодня. Не мог больше продолжать. Был слишком подавлен. Чересчур много ненависти исходило от сайтов, которые ему пришлось просмотреть, и от оставленных на них комментариев. Он натянул тренировочный костюм из полиэстра. От него исходил затхлый запах. Пот давно высох.

Он заставил себя отправиться на пробежку, чтобы очистить голову, и уже скоро лавировал между горами льда на причале у набережной Норр Меларстранд. В темноте желтый свет окон плавучих домов притягивал как магнит. При минусовой температуре дым из каминов валил из труб столбом. Слабый запах марихуаны вырывался наружу через одно из вентиляционных отверстий. Строение показалось ему незнакомым. Джессика, у которой он как-то побывал на вечеринке летом, переместила свое переоборудованное из грузового суденышка жилище к Лильехольмскому причалу. Он колебался какое-то время и уже почти собрался прервать пробежку и постучать – а вдруг там обитал какой-то другой его знакомый, который пригласит его на пиво, но решил подождать до следующего раза.

После слишком уж бурной встречи Нового года он пообещал себе закалять характер – не пить по будням. Во всяком случае, каждый день. И ему показалось, что сдаваться через три месяца слишком рано.

Он надеялся, что выброс эндорфина после пробежки позволит ему избавиться от неприятного осадка, оставшегося на душе из-за просмотра огромного количества статей на сайте «Скрытой правды». Но это не сработало. Последней каплей стала заметка во вкладке «Иммиграция» под заголовком: «Племена каннибалов – не миф. Негры-людоеды угрожают Швеции».

Сайт, похоже, стал неофициальным рупором «Скандинавского копья». Во всяком случае, они уделили немало места рекламе большой манифестации, которую планировалось провести

в Гетеборге через пару недель, в рамках которой все правоэкстремистские движения намеревались собраться под единым лозунгом *«Остановить оккупацию и исламизацию Швеции»*.

Он проверил свой мобильник. Пришли последние результаты лабораторных исследований волос, пятен крови и слюны, найденных в доме в Тюресё. Из них выделили несколько ДНК, но все они отсутствовали в базе данных. Если не считать, конечно, ДНК Карла Павича и Клары Рессель, о чьем присутствии на месте преступления полиция уже знала. Но чтобы доказать их участие в избиении девушки, этого было недостаточно. Даже с учетом того обстоятельства, что Рессель ушла в подполье.

Эрик положил руки на подоконник и смотрел вниз на Седра Агнегатан. Окно ресторана «Салт», расположенного на углу, слегка запотело. Внутри двигались какие-то тени. Затем, смеясь, наружу вышла парочка. Он решил, что от одного бокала пива ничего страшного не произойдет.

Она прошла мимо второй раз. Длинные каштановые волосы спадали на плечи. Она торопливо улыбнулась. Эрик видел ее раньше в углу у бара и решил, что она ждала кого-то. Он допил пиво и услышал звонкий голос за спиной:

– Привет, я могу угостить тебя чем-то?

Его словно жаром обдало. Реплика показалась ему избитой, как из второсортного фильма, но ничего другого ей явно не пришло в голову.

Эрик посмотрел на нее. Улыбнулся. Его одолевали сомнения.

– Я как раз собирался уходить. Ну, ладно, почему бы и нет, мне, в принципе, некуда торопиться.

Она показала два пальца стоявшему за стойкой парню. И прежде чем Эрик успел достать карточку, расплатилась. Потом подняла бокал и сделала глоток.

– Меня зовут Изабелль.

Они не спеша потягивали пиво и непринужденно болтали. Она время от времени настороженно поглядывала на него.

«Может, уже пожалела? – подумал Эрик. – Похоже, пытается понять, не психопат ли я?»

Ее взгляд прилип к золотой цепи в стиле дашики, которая висела поверх его футболки. Его кенгуруха покоилась на спинке стула.

Она широко улыбнулась.

– Ты музыкант?

Он, в принципе, не ждал, что она догадается, что он полицейский. И не собирался заводить разговор на эту тему. Уже устал от всяких вопросов. Поэтому и пришел сюда.

– Да нет, я просто ужасно люблю музыку, – ответил он и добавил после паузы: – Я скорее продюсер.

«Это и не совсем вранье», – подумал Эрик. Он собрал несколько плей-листов на Spotify, где делал ремиксы старых хип-хоп-песен. Она улыбнулась.

– И с кем ты работал?

«И как мне теперь выпутываться из этого?» – подумал он.

– Ты никого из них не знаешь. Новые люди.

– Назови несколько имен.

– Ну, The Rebels Without a Pause и другие вроде них.

Она погуглила.

– Их нет в сети, – сказала она и рассмеялась. – Тогда, значит, не только я не знаю их.

Он смущенно заерзал на месте.

– Ну, я же говорил, что они новые.

Он заказал еще два пива. Пододвинул один бокал ей. И уже собрался спросить, живет ли она где-то поблизости, но в последний момент до него дошло, как это прозвучало бы, и он передумал.

– Ты работаешь где-то рядом? – поинтересовался он вместо этого.

– По-разному. Я много работаю из дома. Занимаюсь поиском. По запросу.

– Наверное, занимаешься подборкой персонала?

– Можно и так сказать.

Затем последовало длинное рассуждение о том, какие качества у людей она считала важными. Ее разглагольствования часто прерывались взрывами смеха. Она заразила и его своим весельем. Он приводил собственные примеры. В какой-то момент скопился на настенные часы. Прошел час, а он этого даже не заметил. В животе заурчало. Он заказал тарелку пивных колбасок, предложил ей.

– Ты же не вегетарианка?

Она снова расхохоталась.

– Нет, я скорее хищница.

Она смутилась и стала серьезной. Пожалела о сказанном. Было это правдой или нет, но звучало точно не очень приятно.

Глава 4

Воскресенье

Ильва дрожала от холода. Зубы выбивали барабанную дробь. Она обхватила сама себя. Беспокойство отказывалось отступать. Компанию ему составлял страх. Последняя ночь напоминала ей долгую, непрерывную пытку. За трое суток она почти не сомкнула глаз. Только время от времени впадала в какое-то состояние полузабытья. И даже тогда ее мучили кошмары. Она просыпалась от собственных криков и, стоило ей закрыть глаза, видела все произошедшее в доме нацистов снова и снова.

Это уже стало невыносимым.

Она переминалась с ноги на ногу, пытаясь согреться. Холодный сырой воздух проникал под одежду. На ней был черный армейский наряд. Его подкладка и грубая огнестойкая ткань обычно хорошо держали тепло. Но не в этот раз.

Она стояла под мостом Орстабрун и, таращась на темно-красный дом, отчасти скрытый за забором такого же цвета, нетерпеливо переминалась с пятки на носок, едва чувствуя свои закоченевшие пальцы в грубых «Мартенсах». Абсолютно темные окна. Из трубы не шел дым. Никаких признаков жизни. Где она, черт возьми, болталась?

И что она сама здесь забыла?

Ильва подрабатывала сиделкой, но не смогла заставить себя пойти сегодня на работу и решила сказать больно. Она сидела в своей однушке, снятой через вторые руки в высотке за Рогсведской школой, и гладела на улицу через кухонное окно. Наблюдала за пенсионерами, рывшимися в мусорных контейнерах в поисках бутылок, которые можно было сдать, и за выходцами с Балкан, перекладывающими ворованное барахло из одних старых «Мерседесов» в другие.

В конце концов она не выдержала. Поехала на метро в центр города. Но там лишь бесцельно болталась – ее одолевали сомнения. Она прекрасно знала, что остальных в ее группе мучил тот же вопрос. Но все равно до обсуждения дело так и не дошло. Поскольку иначе кто-то обязательно почувствовал бы себя обвиненным. Прежде всего Антон, которому каким-то чудесным образом удалось *сбежать* от нацистов уже после того, как она и другие успели смыться.

Все избегали этой темы, когда встретились накануне на заводе по производству углекислоты. Несмотря на то что вопрос требовал ответа. Откуда нацисты узнали об их намерении провести акцию именно в тот вечер? Никто, кроме членов ее ячейки АФА, не мог обладать такой информацией. В то же время ей вроде бы следовало и порадоваться спасению Антона. Хватало того, что Эзги там осталась. Если бы он разделил ее участь, было бы еще хуже.

Но в любом случае что-то здесь не сходилось.

Она смотрела то на темную воду пролива Орставикен, то на дом. Вдалеке остановился собачник и позволил своему псу пометить забор. Но Линн так и не появилась.

Ильва могла бы позвонить. Или послать мейл. Но идея навестить бывшую подругу возникла спонтанно. Когда-то они были очень близки. В АФА, в Линчепинге. Десять лет назад. Потом почти не общались. Только изредка обменивались эсэмэсками. Она знала, что Линн порвала с ними. Занималась теперь другим. Компьютерами и научной работой. Но Ильва не нашла никого другого, к кому можно было обратиться за помощью. Не идти же в полицию. Или к членам собственной группы.

Они ведь были проблемой. Кто-то один из них.

Она уже собиралась уйти, когда увидела одинокого прохожего выше по улице. Женщину примерно ее возраста, с белокурыми волосами, которые, казалось, поблескивали при свете солнца. Она была одета в черные джинсы и пеструю кенгуруху из тех, какие предпочитали скейтбордисты. Ильва сразу узнала Линн.

Линн уже подошла к калитке, когда вдруг почувствовала, что кто-то находится у нее за спиной. Темный силуэт, появившийся из полумрака, царившего под мостом, приближался к ней. Она сжала кулаки, сдвинула ключи между пальцами, собираясь использовать их в качестве оружия, и, стараясь делать вид, как будто ничего не заметила, замерла, приготовившись дать отпор. Одетый в черное человек беззвучно спешил к ней.

– Линн?

Женский голос. Она с удивлением обернулась. Женщина неуверенно улыбнулась ей.

– Это я.

Поначалу она ничего не поняла. Подстриженная «ежиком» незнакомка с черной, как вороново крыло, косой челкой в стиле кого-то из героев «*Острых козырьков*» или, пожалуй, даже Лисбет Саландер, с мольбой смотрела на нее. Потом она узнала глаза. Лицо. И улыбку.

– Ильва? Что ты делаешь здесь? Что-то случилось?

Линн огляделась, но женщина была одна.

– Ты же совсем замерзла? Пошли внутрь, – сказала она и, положив руку на плечо бывшей подруги, повела ее к двери.

«Как она изменилась», – подумала Линн. Они были похожи внешне, когда виделись в последний раз. Обе с длинными светлыми локонами. И у них не было татуировок. Сейчас же голову Ильвы сбоку украшали два черных флага. Линн заметила их, когда они заходили внутрь.

Ильва сидела, укрывшись одеялом, на диване и маленькими глотками пила горячий чай.

– Я не знала, с кем мне поговорить, – сказала она нерешительно. – Я в курсе, что ты не с нами больше. И все равно мне не пришло в голову, к кому еще я могла бы обратиться.

Линн сидела к ней спиной, пытаясь разжечь тонкие щепки и газетную бумагу в кафельной печи. Ильва настроженно наблюдала за ней.

– Ты же иногда работаешь с полицией, не так ли?

Линн пожала плечами.

– Я помогала им с несколькими расследованиями. Это то же самое, чем мы когда-то занимались с тобой. Я понимаю, что это прозвучит странно, но я боролась против правого экстремизма, даже когда сотрудничала с ними.

Ильва еле заметно кивнула. Ее бывшие соратники из Линчепинга не сомневались, что Линн по-прежнему можно было доверять. В последние полгода она помогала и им, и отделению в Нерребро, когда нужно было достать необходимые данные, да и по другим вопросам, связанным с компьютерами, тоже.

Линн зажгла новую спичку. Бумага вспыхнула, и голубые языки пламени какое-то время робко облизывали дрова, пока не перекинулись на них окончательно и не приобрели яркий оранжевый цвет. Тогда она перевела взгляд на Ильву. Ей вспомнилось, как они впервые встретились. Ильву в группу АФА привела сестра, а Линн стала как бы ее наставницей. Они особенно сблизились, когда сестра Ильвы погибла в результате несчастного случая, занимаясь дайвингом. Их тесное сотрудничество и дружба достигли пика во время контрдемонстрации против Салемского марша нацистов в 2008 году, когда Ильва руководила людьми на улице, следуя инструкциям Линн, которая вместе с другими членами АФА находилась в квартире неподалеку и прослушивала радиопереговоры полиции. Именно из-за этого Линн потом обвинили в преступлении против государственной безопасности, и по приговору суда ей пришлось

провести два года и два месяца в тюрьме Хинсеберг. Ильва же отделалась штрафами за неподчинение требованиям сотрудников правоохранительных органов.

Линн забралась под одеяло рядом с ней. Это показалось ей абсолютно естественным. Они же были близкими подругами и, казалось, только вчера расстались, пусть и прошло по меньшей мере лет восемь с тех пор, как их общение прервалось, когда Линн угодила в тюрьму.

– Значит, вы подверглись нападению нацистов несколько дней назад? И поэтому ты здесь? – спросила она и посмотрела на Ильву. Рана на ее голове уже начала заживать. Еле заметный синяк еще виднелся вокруг одного глаза. Ильва смутилась и вздрогнула. Кивнула.

– Все произошло в четверг. У нас была акция на базе нацистов в Тюресё. Там у них типография, сервера, снаряжение, – подтвердила она и прижалась ближе к Линн. – Они устроили нам засаду. Эзги, молодую девушку, чуть не забили насмерть. Она сейчас в реанимации.

– Я слышала об этом. Боялась, что это была ты или кто-то другой из «стариков», – сказала Линн и взяла Ильву за руку. – Но это все равно ужасно. Нацистам удалось хакнуть ваши мобильники или компьютеры?

– Я проверяла наше оборудование, но причин так думать нет. Защита, похоже, работала нормально. Кроме того, мы стараемся избегать контактов с помощью электронных средств связи и встречаемся лично, когда планируем акции, – ответила Ильва и, пожевав немного бутерброд с сыром – Линн поставила тарелку с закуской на край дивана, – продолжила: – Фредрик, ты его не знаешь, подозревал, что СЭПО слушает его, поэтому мы были крайне осторожными.

Она сделала паузу и добавила:

– Но проблема не в нем. Он знает, как ему действовать, чтобы защитить себя. Меня беспокоит кое-кто другой. Новый парень. Антон. Он с нами уже более полугода. Очень приятный. Умный.

Ильва колебалась. Линн вовсе не обязательно было знать, что именно она привела его в группу после того, как летом между ними возникли близкие отношения. Поскольку иначе она выглядела бы наивной дурочкой. Кроме того, они давно расстались.

– Я не знаю его? – спросила Линн.

– Нет. Если бы мы не попали в ловушку в четверг, я никогда не пришла бы сюда. Но ты, пожалуй, единственный человек, кто может мне помочь, – ответила Ильва, тщательно взвешивая каждое слово. – У меня нет ничего конкретного. Но что-то мне не нравится. Антон проявлял излишнее любопытство. Задавал вопросы о старых акциях, которые мы проводили в других отделениях. Казался чересчур заинтересованным. Настолько идейным, что это почти выглядело притворством.

Она опять сделала паузу и добавила:

– Кроме того, он возомнил себя лидером. Пусть его никто не назначал.

Ей внезапно стало не по себе. А вдруг на самом деле она начала подозревать его только из того, что он бросил ее ради Эзги. Пусть, по ее мнению, она сама давно смирилась с этим. Сейчас от ее недавней уверенности не осталось и следа. Антон изменился после того, как примерно месяц назад Эзги его отшила и сошлась с Фредриком – человеком, завербовавшим ее парой месяцев ранее.

«Такая вот история», – подумала она и сказала:

– Антон говорит правильные вещи. Хотя и не искренне. Но я не знаю, может быть, у меня паранойя, и я слишком придираюсь к нему после случившегося.

Линн обняла Ильву. Ей не составило труда понять, что та имела в виду. Понятие лидера было несовместимо с анархизмом, в который они обе верили. Особенно когда речь шла о самопровозглашенном лидере, к тому же новичке в их компании и мужчине. Такого не могло существовать в антииерархическом движении.

Но означало ли это, что именно он предал группу?

Ильва скосилась на Линн. Она истолковала ее молчание как сомнение в том, хочет ли она и сможет ли помочь. Она положила голову ей на плечо.

– Я знаю, что мы давно не виделись. Но мне необходима помощь. Мне надо знать, действительно ли Антон тот, за кого себя выдает. Или нацисты специально подсунули его нам? Крот он или нет? – сказала она и принялась нервно тереть пальцы. Сама поняла, как надуманно все это звучало.

– Я подумала, что ты через своих новых знакомых могла узнать что-нибудь. Попадал ли он в поле зрения полиции раньше? Есть ли в каких-то реестрах? Следит ли за ним СЭПО? Любую мелочь, которая могла бы подтвердить, кто он. Настоящий. Или декорация.

У Ильвы сердце сжалось от боли, когда она вспомнила о том, что Эзги осталась в доме одна с нацистами. Ее били руками и ногами. Антон тоже находился там, но ему удалось бежать. Ильва подумала, что не сможет жить, если ее бывший парень окажется виновным в той бойне.

Если выяснится, что по его милости Эзги чуть не убили и он нисколько не жалел об этом.

Антон ведь был человеком, которого она любила. С кем делила постель. С кем принимала пищу, тренировалась, с кем смеялась вместе. С кем виделась каждый день.

Они вместе планировали акции.

Она вся горела от стыда. Это не укладывалось в голове. Она не могла быть столь доверчивой. Ей требовалось как ради себя самой, так и ради Эзги докопаться до истины. Антон изменился в последнее время. Он стал холоднее. Все больше претендовал на роль лидера.

Линн поставила пустые чашки на тарелку и вышла на кухню. Казалось абсолютно невероятным, что нацисты смогли бы внедрить своего человека в одну из ячеек АФА. Она никогда не слышала ни о чем подобном, но прекрасно понимала беспокойство Ильвы. Той требовался ответ. Пожалуй, она винила себя в том, что ее люди оказались плохо подготовленными. Поскольку она не смогла вывести оттуда всех своих товарищей. И ведь нацисты, похоже, ждали их. Наверное, им все равно удалось взломать мобильники или электронную почту. Но как они могли выяснить телефонные номера кого-то из группы?

– Напиши его имя и фамилию на листке, пачка лежит на столе, а я посмотрю, что смогу сделать. Я не работаю с полицией сейчас, но попытаюсь проверить это при первом удобном случае. Мне еще надо завершить кое-какие исследования для Королевского технологического института. Это будет на следующей неделе, – сказала она, когда вернулась в комнату.

Гостиная утопала в слабом голубом свете. Он исходил от двух мониторов, стоявших на письменном столе Линн, сейчас она сосредоточила свое внимание на них. На одном работали шифры AES с различной длиной ключа. Замены и перестановки происходили всякий раз, когда алгоритм придавал тексту форму, непонятную для непосвященных. А на втором мониторе ее программа дешифровки пыталась взломать эти симметричные шифры, отслеживая замены байтов, смешивания колонок и сдвиги строк. Его экран мерцал зеленым, когда она искала слабости, пытаясь укрепить защиту. И это показывало, что программа просто работала, а вовсе не являлось сигналом о достижении какой-то цели. Так Линн сидела уже два дня и пока не могла точно сказать, сколько еще времени ей понадобится, прежде чем появятся результаты, которые она смогла бы включить в свою докторскую диссертацию.

Она открыла записную книжку в мобильнике и отыскала там данные, позволявшие ей проникнуть в закрытую сеть полиции через компьютер Эрика. Он не знал, что у нее они есть. Но руководствовалась она исключительно благими намерениями. Так, по крайней мере, считала она сама. Так у нее была возможность при необходимости помочь антифашистам.

Она улыбнулась, вспомнив, что он поменял пароль. Вместо *Big Daddy Kane IV* выбрал чуть более сложный – *Marcus G@rvey II*. Она нашла его в том же месте, где нашла прошлый, – он был приклеен скотчем к компьютеру в его спальне на Седра Агнегатан. Она оказалась там пару недель назад. Случайно. Поздно вечером. К тому времени ее роман с Саманом прекратился

уже как несколько месяцев. Точно как и с Габриэлем, с которым она пыталась жить до этого. Сомнения навалились на нее.

«Что не так со мной?» – подумала она.

Мужчины начинали ей надоедать, когда отношения с ними превращались в рутину. Ее терпение заканчивалось, как только начинались вопросы вроде «кто должен ходить за покупками, стирать» или «следовало ли им навестить его родню». Но с Эриком у нее никогда не возникало проблем. Он не выдвигал никаких условий. Никак не ограничивал ее свободу. Она могла делать, что и когда хотела. Почему это стало так важно теперь?

Линн сунула кенгуруху в корзину для грязного белья и посмотрела на свое отражение в зеркале. Она выглядела уставшей. В уголках глаз появились крошечные морщинки, кожа стала бледной.

Ее жизнь, пожалуй, стала бы проще, будь она более покладистой. Она постоянно слышала о том, что ей стоило научиться идти на компромиссы. Конечно, не от собственной матери, та ведь была еще более своевольной, чем она. А от Кайи, сводной сестры. От бабушки. От своего отца, с которым она практически не общалась уже очень давно. Они встретились на Рождество впервые после почти пятилетней паузы. Потом еще пару раз. Шаг за шагом, осторожно пытались построить новые отношения. Полностью избегали вопросов о политике. Вообще не разговаривали на темы, хоть как-то касавшиеся его работы, а он был исполнительным директором социально-экономического департамента Конфедерации шведских предприятий. Ни слова о капитализме. Ни слова об исламе. Лучше бы и ни слова о ее матери, с которой отец развелся, когда Линн было двенадцать лет.

Она вышла на крыльцо и, увидев, что кафе Фон Бюсинга, расположенное ниже по склону холма, уже открыто, поплелась туда. Внутри было сыро и жарко. Стоявший за стойкой Умед протянул ей чашечку кофе. В другом конце шатра сидели две женщины с колясками. Она еще не привыкла к этому импровизированному заведению, открытому с разрешения Альмы, владелицы дома на этом участке, который частично принадлежал ей. Но место было довольно удобное. Она могла ходить сюда чуть ли не в ночной рубашке.

Линн рассеянно погуглила «Скандинавское копьё». Именно эта группа, возможно, стояла за избиением Эзги. Она почти ничего не слышала о них. Но они многократно упоминались в новостях и подборках материалов фонда «Экспо». Они предпочитали акции с применением насилия и, похоже, стали активнее после того, как ради работы на местах откололись от «Скандинавского движения сопротивления». Она с удивлением обнаружила, что к ним присоединилась и «Скрытая правда». Рикард и Эрик устроили облаву в офисе этого правозащитного медиаагентства во время расследования «кукольного» убийства. Она надеялась, что их сайт закрыли после того, как год назад приказал долго жить «Патриотический фронт». Но они явно продолжали существовать. Она покликала по их заголовкам. «Скрытая правда» явно стала более радикальной с тех пор, как она в последний раз заглядывала на их сайт. В статьях говорилось о методах борьбы и прямых действиях.

На экране ее мобильного всплыло сообщение. Одна из тестовых программ, которые она опробовала у себя дома, закончила работу. Шифр был готов для оценки. Она закрыла вкладки с правозащитными сайтами. Они могли подождать. Она понимала беспокойство Ильвы касательно того, что нацисты, возможно, присматривали за ее группой, но ей вряд ли угрожала какая-то опасность в ближайшее время.

Глава 5

Мужчина разложил листочки с распечатками телефонных разговоров на элегантном обеденном столе, выполненном из дерева какой-то благородной породы и металла. Всего их было три, и относились они к трем разным номерам, охватывая временной промежуток в последние четырнадцать дней. Он бросил взгляд в окно. Из него открывался умопомрачительный вид на холмы Сеедера с Монтельюсвеген и конференц-центром Мюнхенбрюггерит, видневшимися в слабом свете опускавшегося к горизонту по ту сторону водной глади солнца. Пусть расположенное рядом с Шиннарвиксбергет уродливое бетонное здание дома престарелых несколько портило это впечатление.

Квартира по адресу Норр Меларстранд, 26, где он сейчас находился, состояла из одной большой комнаты, плавно переходившей в кухню. Ему уже неоднократно приходилось бывать здесь – у него были ключи, и удивление, которое он испытал, когда впервые увидел, как она жила, давно прошло.

Помимо предметов роскоши здесь хватало вещей, более характерных для жилища хиппи. Левая символика на стенах. Черный флаг. Плакаты с надписями типа «*Alter Summit Social Rights conference – Brussels*», «*Angela Davis: Free all political prisoners*», «*No G-20*»⁸, и еще одного, состоящего из множества небольших картинок, формирующих большую разноцветную мозаику. Все они были примерно на одну и ту же тему. Свобода, справедливость и равенство. Он ухмыльнулся. Глобалисты. Граждане мира. Предатели своего народа. Люди, принижавшие значение национальной и культурной идентичности. Но именно поэтому он оказался сейчас здесь, в квартире Эзги.

Пока один. И он, и она были членами группы анархистов. Ячейки АФА. Он улыбнулся и достал из холодильника банку пива. Отхлебнул немного прямо из нее. Пока все шло, как планировалось.

Даже несмотря на то, что его настоящие соратники и перестарались немного. Они потеряли контроль над собой, когда столкнулись лицом к лицу с анархистами, которых он заманил в дом в Тюресё. В то же время его левые так называемые друзья тоже не были агнцами божьими. Совсем наоборот. Поэтому они получили по заслугам.

Солнечные лучи проникали в эту квартиру на пятом этаже через большое кухонное окно и отражались от идеально начищенной стальной поверхности холодильника. Он невольно улыбнулся, слишком уж парадоксально выглядела ситуация. Собственная квартира в элитном районе. Масса дорогой мебели и... подушки с матрасами, лежавшие прямо на полу. Две стороны ее жизни. Зажиточные родители, обеспечившие жилье для дочери и обставившие ей квартиру. И она сама, левая экстремистка, позаботившаяся обо всем остальном. Они обсуждали это, когда он приходил сюда ранее. Эзги не видела здесь ничего странного. По ее мнению, если родители были хорошо обеспеченными, это вовсе не означало, что она может спокойно смотреть на беды других людей. Это не давало ей права оставлять без внимания растущие в обществе разногласия и проблемы наименее защищенной его части. Его всегда очаровывала ее наивность. Неужели она не понимала, что никто никогда не скажет ей спасибо за столь идеалистические взгляды. Однако ему приходилось соглашаться с ней. Целиком и полностью. Заходить еще дальше, чем она и другие в группе, в спорах о справедливости, о либертарном социализме.

---

⁸ «Конференция Альтер-саммита по социальным правам – Брюссель», «Анджела Дэвис: Свободу всем политическим заключенным», «Нет G-20» (англ.).

Ему стоило массу усилий не сорваться. Не выдать себя. Даже если порой очень хотелось задать ей взбучку, когда она слишком далеко заходила в своих рассуждениях. Отвесить несколько хороших пощечин, которые вернули бы ее к реальности.

Вдобавок ко всему, по иронии судьбы, весь первый этаж дома занимал магазин флагов. Повсюду виднелись развевавшиеся на ветру желто-синие полотнища, прикрепленные к окрашенной в оранжевый цвет стене здания. Весь фасад как бы призывал уважать и любить свою родину, быть настоящими шведами. Это противоречило взглядам Эзги и АФА. На него же всегда действовало успокаивающе, когда, прежде чем войти в подъезд, он проходил мимо этих государственных символов. Они служили ему напоминанием о той общности, к которой он принадлежал. Чье время пришло сейчас.

Он провел пальцем по колонкам с телефонными номерами. По координатам мест, где находились ближайшие базовые станции в момент разговоров. Он мог получить те же самые подборки в цифровом виде, по электронной почте. Но не хотел рисковать и оставлять следы на случай, если его мобильник взломают. Хоть никто в его группе АФА ничего и не подозревал. Распечатки служили просто дополнительной мерой предосторожности. Способом находиться на шаг впереди. Видеть, чем занимались другие. По крайней мере, так он считал. До сих пор.

Но сейчас оказалось, что Ильва охотилась за ним.

Он обвел координаты мест, откуда она звонила. Пометил их на карте в своем мобильнике. И не поверил собственным глазам. Поначалу надеялся, что стал слишком подозрительным. Но это был не тот случай. На карте возник небольшой район в Танто у моста Орстабрун. В углу виднелись несколько крошечных пятен – земельные участки. И несколько заметных прямоугольников – старых построек, включавших знакомый ему гостевой дом. Там жила Линн Столь.

Ильва, выходит, искала ее. Хотя эти двое не поддерживали связь, насколько он знал. По крайней мере, в течение очень долгого времени. Они общались, когда Линн была активным членом АФА, а с той поры минуло уже около десяти лет. Тем не менее десять часов назад они встречались.

Спустя всего несколько дней после засады в Тюресё.

Он положил телефон на стол. Не «левый», используемый для связи с АФА. А другой. Про который знал только он. Тоже официально не зарегистрированный на него. Он открыл приложение Flexispy и ввел IMSI-номер Ильвы. Дважды проверил отмеченные координаты. Все сходилось. Программа показала тот же район.

Конечно, Ильва могла случайно оказаться там. Но ведь она провела у Линн два часа.

Речь шла о чем-то срочном. Какой-то чрезвычайной ситуации. И вряд ли дело касалось только нападения на Эзги. Скорей всего, чего-то еще более важного. Он что-то почувствовал еще накануне, когда они встречались на заводе по производству углекислоты. Понял по взгляду Ильвы. По ее настороженному тону. Обвиняющим ноткам в голосе.

Он открыл записную книжку ее мобильного. Как ни странно, записи в ней были не зашифрованными. Внезапно он вздрогнул – над домом на низкой высоте с шумом пролетел самолет в направлении аэропорта Бромма.

Ему удалось установить шпионскую программу на телефон Ильвы. Она оставила мобильник на столе, отлучившись вместе с остальными к стойке бара накануне вечером. У него ушла где-то минута на все необходимые манипуляции. Он и раньше мог отслеживать местоположение ее номера, но и такая предосторожность не могла повредить. И уже принесла свои плоды, он знал о том, что Ильва была у Линн. У перебежчицы, как ее называли. Антифашистки с друзьями в полиции.

Он оцепенел.

Что за чертовщина?

В самом верху листа записей Ильвы он увидел новое добавление. Сделанное пару минут назад. Она записала номера двух мобильных телефонов. И пару хорошо знакомых ему имен. Или скорее псевдонимов. *Гейдрих* и *Ян Стюарт*. Довольно идиотских для членов «Скандинавского копья», которым не следовало привлекать к себе внимания. Но им, похоже, ужасно хотелось, чтобы их отождествляли со старыми нацистами. С другой стороны, кроме настоящих имен этим двоим нечего было скрывать – об их принадлежности к группе национал-социалистов в СЭПО уже знали. И сейчас о них явно узнает АФА. Ему следовало сообщить им, что пришло время снова сменить мобильники.

Он выругался про себя. Ильва. Хитрая сучка. Когда они были в кабаке, она, похоже, проделала то же самое, что и он. Заподозрила что-то и, пока он был в туалете, залезла в его телефон, лежавший в кармане куртки. Увидела сообщения, которые появились на экране, и записала имена и номера. Она, наверное, приняла это за какую-то шутку, поскольку иначе, пожалуй, спросила бы, почему он получал эсэмэс напрямую. Но вместо этого она просто чуть позже сравнила номера с их списками данных известных нацистов.

И поняла, что все было очень серьезно.

Его мобильник пикнул. Он все еще был подсоединен к экрану телефона Ильвы. Рядом с записями появился значок фотографии. Прямо сейчас Ильва сидела в телефоне. Она записала адрес, потом имя.

Клара Рессель. Внутри у него все похолодело.

Он напряженно ждал. Ничего больше не происходило. Ильва, похоже, отложила в сторону мобильник. Прошло полчаса. Он обеспокоенно бродил по квартире. Все не решался открыть фотографию – это сразу стало бы заметно на экране ее телефона.

Время от времени он косился на дверь. В любой момент ведь могли появиться родители Эзги или ее сестра, что добавило бы ему проблем. Он проверил время. Прошел час, а Ильва так и не прикоснулась к телефону. Он не мог ждать больше. Потеряв терпение, сел за стол и кликнул по значку фотографии. Снимок появился на экране.

На нем он увидел себя.

Или, по крайней мере, собственную спину. Сфотографированную несколько часов назад. Когда он стоял в парке и разговаривал с Кларой. Именно ей он поручил преподавать урок анархистам в доме в Тюресё.

Ильва зашла в своем расследовании дальше, чем он думал. У него возникло страстное желание стереть и снимок, и ее записи, но в последний момент он передумал.

Тем самым он мог предупредить ее, что знает обо всем, а этого не следовало делать.

Он вытер холодильник, сунул пустую пивную банку в карман куртки и уже направился к входной двери, когда пришло эсэмэс. На его АФА-мобильник.

Экстренная встреча. Место четыре. 20 часов.

От Ильвы. Она собиралась разоблачить его перед другими. Или по крайней мере попросить сделать это с помощью фотографии с Кларой. Или эсэмэской от нацистов, если ей не удастся убедить других, что на снимке была его спина. Но они ведь могли узнать куртку и ботинки. Он нервно забарабанил ногтями по перилам. Вся его работа могла оказаться напрасной. Ему явно угрожало разоблачение.

Спускаясь по лестнице, он прибавил шаг.

Глава 6

Ильва тащила пакеты из торгового центра ИСА, расположенного на площади Родсведсторгет. Самые обычные продукты: чечевицу, бобы, соевое молоко, протертые томаты и все такое. Она ненавидела ходить по магазинам и предпочитала закупаться на неделю, а не покупать понемногу каждый день. Она скосилась на новую, появившуюся на стене у подъезда и выполненную фломастером неразборчивую надпись. Какое-то непризнанное дарование постаралось. Вряд ли кто-то из живущих по соседству. Она вздохнула. Наверное, уже стала слишком старой. Пожалуй, более консервативной. Но все-таки дело было не в этом. Граффити выглядело ужасно. Уж точно не несло никакого культурного значения. В отличие от обладавших политическим подтекстом творений, к примеру, Диего Риверы или Мобстра. Она попыталась вызвать лифт. Кнопка не загорелась. Снова сломан. Черт. Опять какие-то малолетки постарались. Ручки тяжелых пакетов врезались в пальцы, когда она поднималась по бетонной лестнице. Она как раз добралась до своей двери, когда услышала за спиной шорох и, вздрогнув, быстро развернулась.

– Привет. Извини, если я напугал тебя.

Она узнала его мягкий голос еще до того, как различила под опущенным почти на глаза козырьком кепки лицо. Он стоял чуть выше на лестнице. Она настороженно посмотрела на него. Сердце забилось быстрее.

– Привет, что ты делаешь здесь? Встреча же будет на заводе. Через несколько часов.

Он уже бывал в ее новой квартире. Вместе с другими. Но никогда один. В его взгляде не было и намека на угрозу. Он равнодушно глазел на нее, как будто они никогда не встречались раньше.

– Я знаю. Извини, что пришел сюда. Но я места не нахожу от беспокойства.

Мысли роем закружились у нее в голове. Может, он хотел признаться в чем-то? Что еще ему могло понадобиться? Она попятилась в прихожую, он проследовал за ней сквозь дверной проем. Его лицо изменилось. Взгляд стал испуганным. Он с мольбой смотрел на нее.

– Речь пойдет об Эзги? Ее состояние ухудшилось? Есть новости из больницы?

Она с облегчением перевела дух. Похоже, он действительно волновался. Пожалуй, винил себя, что не помог Эзги. Видимо, его, в отличие от остальных, мучила совесть, что он бросил ее. Она покачала головой.

– Нет, с ней все нормально. Ее выпишут через пару дней, – ответила Ильва и поставила пакеты около холодильника. – Будешь кофе?

Он кивнул и закрыл за собой дверь.

Тянуть не было смысла.

Она уже собиралась включить кофеварку, когда он подкрался к ней сзади. В последнюю секунду она развернулась. Словно догадалась о чем-то. Он набросил петлю ей на шею. Затянул. Нейлоновый шнур врезался в кожу. Она не успела просунуть пальцы под него. Он затянул удавку сильнее. Придвинулся к Ильве ближе. Зашел ей за спину. Только бы не видеть ее широко раскрытых от удивления глаз. Он чувствовал, как она дрожала от ужаса. Ее пальцы в отчаянии шарили по шее, пытаясь ухватиться за петлю. Он повернулся к ней спиной. Перекинул концы удавки через плечо. Потом присел немного и резко поднялся. Тело Ильвы оторвалось от пола. Она повисла на нем. Ноги ее задергались. Ногти царапали горло. Шейные позвонки затрещали, когда он наклонился и еще сильнее натянул удавку. Затем раздал хруст, словно сломалась сухая ветка.

Словно Бог щелкнул пальцами.

Она заскользила по его спине. Сопротивлялась все слабее, хотя руками еще била его по бокам. Однако силы в этих ударах было все меньше. Как при агонии. От напряжения он тяжело дышал. Конец длинной веревки, которую он держал в руке, клубком валялся на полу. Он постарался не запутаться в нем ногами. Плечи болели. Но такую цену ему придется заплатить.

За душевное спокойствие. За возможность продолжать борьбу.

Она безжизненно висела у него на спине. Прошло три минуты. Он осторожно опустил тело на кухонную столешницу. Посадил вертикально на нее, прислонив к дверцам шкафчиков. Ильва смотрела на него широко раскрытыми остекленевшими глазами. Смотрела с осуждением. Хотя, естественно, ему это просто казалось. Он тряхнул головой, стараясь избавиться от неприятного ощущения. Попытался сосредоточиться на том, что ему теперь предстояло сделать.

Он никогда не испытывал ненависти к ней. Порой, можно сказать, любил. В те короткие моменты, когда они выглядели столь похожими. Своей увлеченностью. Желанием изменить мир. Создать нечто новое. Что в его случае означало возродить старое. Снова сделать страну такой, какой она была до начала своей деградации. Кое-кого из членов их группы АФА он мог бы казнить без сомнений. Выстрелом в затылок. Но Ильва была другой.

Пока она не стала обузой. Опасной для его дела.

Он вышел в гостиную и окинул взглядом комнату. Заурядная квартирка. Давно не ремонтированная. Но добротная. Он дотянулся до потолка и нащупал крепление люстры. Стальной крюк, на котором она висела, крепко засел в бетонной балке. Это могло сработать. Он ухватился за него и повис всем весом. Крюк выдержал.

Он бережно положил Ильву на ковер. Снял с ее шеи петлю. Перебросил свободный конец веревки через потолочный крюк и привязал его к нему, сделав петлю. Остаток веревки сейчас свисал к полу. Потом пришло время для самого трудного. Она весила, пожалуй, шестьдесят килограмм. Тело следовало поднять так, чтобы шея оказалась в петле. Он посадил ее на кухонный стул, который подтащил ближе, и, опершись ногой на сиденье, попробовал сделать это.

Стул покачнулся, и боль пронзила спину. Закончить задуманное не вышло. Он посадил ее снова. Ему пришлось действовать иначе. Он надеялся, что никто ничего не заподозрит. Он снял веревку и затянул петлю на ее шее, стараясь попасть на оставленные отметины. Потом перекинул другой конец веревки через крюк и стал медленно подтягивать ее. Ему удалось поднять тело почти до самого потолка, пусть в какой-то момент он вроде бы услышал треск бетона. Он подождал пять минут, потом привязал свободный конец веревки к установленной на стене батарее центрального отопления и обозрел результат своих усилий.

Ильва неподвижно висела на расстоянии пятидесяти сантиметров от пола. И пусть веревка тянулась к потолку через всю комнату – это выглядело несколько странно – он оставил все как есть. Пусть все считают, что она просто не смогла привязать ее к крюку. Не нашла другого выхода. Так подумал он. А потом положил набок стул, как будто Ильва сама оттолкнула его ногой.

Когда окончательно решила свести счеты с жизнью.

Ему приходилось видеть мертвых раньше. Но все равно, когда он сейчас смотрел на нее, свисающую с потолка, изучающую его пустым взглядом, ему не хотелось верить своим глазам. Сознание отказывалось признать реальность происходящего. Он заметил царапины на ее шее, но подумал, что они не вызовут подозрения. Они ведь выглядели естественным результатом действия инстинкта самосохранения. Пусть даже человек решил покончить с собой.

Крюк, похоже, выдержал. И пусть она могла упасть, когда он уйдет, его это беспокоило меньше всего. К тому моменту она, в любом случае, должна была провисеть достаточно долго. Все напоминало самоубийство. Он вытер столешницу. Сунул в карман мобильник Ильвы, который лежал рядом с кофеваркой, и попятился к двери, вытирая взятой с кухни тряпкой пол за собой. Оказавшись в прихожей, он посмотрел в глазок и, убедившись, что за дверью никого

нет, надел кепку. Вытерев руки все той же тряпкой, выскользнул наружу. Тихо закрыл дверь за собой. Она наверняка принадлежала к тому типу людей, кто не имел привычки запираяться. Анархистка, верившая во врожденную добропорядочность людей. Хотя сейчас это не играло никакой роли. Он прихватил с собой пакеты с едой, которые Ильва принесла из магазина, и выкинул их в мусоропровод.

Глава 7

Вторник

Линн не могла дышать. Все тело словно свело судорогой. У нее не получалось сделать даже крошечного глотка воздуха, пусть сердце неистово билось, и каждая клеточка организма требовала кислорода. Она опустилась на диван и даже не пыталась справиться с нахлынувшей на нее дрожью. Вытянулась во всю длину, надеясь таким образом облегчить работу легким. Давление на горло спало. У нее получилось сделать вдох. Почувствовала руку на своем плече, когда взволнованный Антон прибежал из кухни.

– Что с тобой? У тебя случайно не приступ? – спросил он и протянул ей стакан воды. Смотрел, как она пила маленькими глотками.

– Мне следовало выразиться осторожней. Извини, – добавил он и взял ее руку в свою, пытаясь успокоить.

Линн удалось немного расслабиться. Она удобнее устроилась на диване. Дышала. Усталость навалилась на нее, плечи опустились, словно на них взвалили тяжелую ношу. Виски сдавило. Она не знала, сколько способна выдержать. Слишком много бед свалилось на нее за последний год. Изнасилование. Избиения. Смерть.

И теперь это.

Она сидела на диване и тупо тарасилась на угли в печи, которые постепенно гасли. Затылок мерз от сквозняка. Прошел час. Она убедилась, что с ней все в порядке. И ей надо побыть одной. Наедине со своими мыслями.

Он пришел исключительно с благими намерениями. Поскольку знал, что они с Ильвой были близкими друзьями когда-то, и поскольку Линн имела право услышать о произошедшей трагедии от кого-то, кто был близок к Ильве. А не случайно, из какой-нибудь полицейской сводки или через дальнего знакомого. Или вообще остаться в полном неведении.

Одновременно Линн не смогла избавиться от неприязни к нему. Ведь именно на Антона указала Ильва. Как на агента нацистов.

Пока он не явился к ней, Линн считала, что речь шла о незнакомом ей человеке. Но она встречалась с Антоном мимоходом во время демонстрации синдикалистов примерно полгода назад и уже тогда обратила на него внимание. Потому сразу узнала, когда час назад он появился перед ее домом.

Он по-прежнему хорошо выглядел. Курчавые коричневые волосы, темные глаза и широкие плечи. Кто-то рассказывал, что он входил в «Революционный фронт», но когда те, по его словам, стали слишком рьяно прибегать к насильственным действиям, ушел в АФА. Но она не знала этого наверняка. И не собиралась забивать себе голову сейчас такой ерундой.

Ильва умерла. Только это имело значение. Но в то же время именно тот человек, которого Ильва подозревала, рассказал ей о ее смерти.

Это выглядело не лучшим образом. Сомнений добавляло то, что еще совсем недавно Ильва совершенно не помышляла о самоубийстве.

Линн потеряла глаза. Прошел еще час. Она медленно поднялась с дивана, подошла к мойке и сполоснула лицо холодной водой.

Она размышляла о том, как сильно разочаровала бы свою тетю Луису, начальника отдела полиции Сити, и Рикарда, если бы они могли видеть, чем она занималась в последние дни.

Ведь несмотря на ее рьяные заверения, что она больше не имела никакого отношения к АФА, к ней один за другим наведывались самые что ни на есть активные антифашисты. Объяснить такое стоило бы большого труда. Если, конечно, полиция наблюдала за ней и знала о ее гостях. Она не ожидала такого от тети и Рикарда. Но в полиции хватало и других отделов. И она не могла исключить этого.

Линн осторожно посмотрела во двор. Еле заметно махнула рукой Альме, которая подвязывала кусты роз напротив каменной стены молочного цвета. Она окинула взглядом темно-красный деревянный забор. Не заметила никого с другой стороны. В последние дни ее не покидало ощущение, что кто-то наблюдает за ней. Ждет. Следит, хотя она никого не видела. Возможно, просто слишком нервничала после случившегося с группой АФА. В результате проснулась подозрительность, оставшаяся с той поры, когда она еще являлась активным членом организации. В любом случае, стоило исходить из девиза известного американского писателя Джозефа Хеллера: *«Даже если ты параноик, это вовсе не означает, что за тобой не следят»*. Линн подумала, что осторожность ей не повредит. Несмотря на то что в последнее время она часто сотрудничала с полицией, что еще год назад показалось бы ей невозможным – тогда она заведомо считала стражей порядка своими врагами.

Она знала, что из-за ее связи с полицией многие ее бывшие товарищи по либертарному движению сегодня не доверяли ей.

Кроме Ильвы.

Та пришла к ней и попросила о помощи. Воспоминания полоснули по сердцу ножом. Она не успела. Решила, что Ильва может и подождать. Посчитала ее беспокойство надуманным. Иррациональным. Плодом больного воображения. Из-за ситуации, в которой она оказалась. Из-за нацистов, напавших на нее. Поскольку она считала себя виноватой в избиении соратницы. Пыталась понять, почему все произошло. Из-за ощущения, что за ней охотились. Но Ильва, похоже, не ошибалась.

К сожалению, осознание этого пришло к ней слишком поздно.

Линн корила себя за то, что даже не попыталась помешать случившемуся.

Она поднялась, достала пластиковый пакет из морозильника и, надев кенгуруху, вышла во двор. Кивнув Альме, которая в ответ многозначительно подняла вверх секатор, она наклонилась к углу дома и заглянула под фундамент. Миска, в которой раньше лежала сырая куриная кожа, была пуста. Она положила туда замороженную плотву, которую пару дней назад поймала на удочку с моста под восторженные вопли стоявших там малышей из находившегося неподалеку детского сада.

– Откуда ты знаешь, а вдруг то, что ты кладешь туда, сжирает какая-нибудь крыса? – крикнула ей Альма.

Снаружи уже стемнело. Линн всю вторую половину дня трудилась без отдыха. Глаза болели, она выключила мониторы и позволила шифровальной программе работать без присмотра. Рикард все еще не проверил обстоятельства смерти Ильвы, но пообещал сделать это на следующий день. Она же попыталась найти Антона, но безрезультатно. Номер мобильного, который он оставил, оказался не привязанным ни к какому адресу. Да и сам телефон не отвечал.

Он, скорей всего, избавился от него.

Она рывком поднялась из-за письменного стола. Ее бездействие казалось непростительным. Она не могла заниматься своей научной работой, когда нацисты продолжали избивать и убивать людей из организации, которая раньше была неотъемлемой частью ее жизни. Даже если учесть, что Рикард действительно попытается добраться до виновных, это могло занять слишком много времени. Она не собиралась просто сидеть и ждать результатов расследования, которые, в худшем случае, подтвердили бы, что Ильву на самом деле убил вражеский агент. О

самоубийстве ведь вряд ли шла речь. Когда они виделись в последний раз, Ильва прекрасно себя чувствовала и выглядела настроенной решительно.

Она надела куртку с капюшоном с надписью «*No Rules Skateboards*» и, наклонившись, заглянула под кровать. Покрытый толстым слоем пыли деревянный ящик стоял у самой стены. Она достала его и, открыв крышку, выложила на пол перед собой отмычки, а также несколько воротков. Сегодня существовали более совершенные инструменты. Но в любом случае стоило попытаться. Прошло уже много времени с тех пор, когда она ради забавы вскрывала замки в гимназии, навыки все равно должны были сохраниться. В последний раз ей понадобилось проникнуть на запертый склад в Линчепинге еще вместе с АФА. Это было десять лет назад и заняло тогда секунд двадцать.

Адрес у нее уже был. Упоминался в отчете Рикарда и Эрика, заглянувших в интересовавшее ее здание в мае во время облавы в ходе расследования «кукольного» убийства. Грев Турегатан, 36. Это было старое здание, где размещался бизнес-центр. Там, помимо других организаций, занималось своими грязными делами и медиаагентство «Скрытая правда». Она понадеялась, что ей повезет, и замок окажется старой модели. Она вытащила из компьютера флешку и взяла ее с собой, сунув вместе с инструментами в карман куртки.

Она миновала открытую спортивную арену и, проверяя на ходу кое-что при помощи своего мобильного, перешла на бег, чтобы без проблем подняться по склону к станции метро, не съехав вниз на глине под ногами. На экране она прочитала, что «Скрытая правда» переехала. Они остались на той же самой улице, но перебрались в более престижное здание, ближе к площади Стуреплан.

«Пропаганда ненависти явно приносит хороший доход», – подумала она.

Выйдя из метро, Линн увидела, что кто-то выходит из здания на Грев Турегатан, 3, направляясь от лифтов к стеклянной двери выхода. Она устремилась вперед и успела схватиться за ручку как раз перед тем, как дверь открыли. Она излишне невинно улыбнулась мужчине, который повернулся и с подозрением взглянул на нее, и сказала как можно мягче извиняющимся тоном:

– Мне надо наверх к маме. Она работает в отделе кадров.

Свет в коридоре на третьем этаже не горел. На часах уже было почти половина седьмого. Со стороны офисных помещений тоже не было света. Дверь агентства «Скрытая правда» оказалась запертой. Никаких признаков сигнализации: ни концевиков на ней, ни датчиков на стенах. Она закрепила мобильник на поясе брюк и направила его свет на замок. Он был простым, штифтовым, старой модели. Она вставила отмычку, прижала ее к его дну и осторожно повернула. Оно спружинило, и она скорее угадала, чем почувствовала едва заметное напряжение в цилиндре, а потом перехватила отмычку левой рукой, держа ее как рычаг, а правой вставила в замок вороток, выглядевший как согнутый под прямым углом кусок проволоки. Осторожными движениями Линн попробовала с его помощью повернуть цилиндр замка. При этом она давила на каждый штифт. Чувствовала, какие из них пружинили или сопротивлялись. Один за другим загоняла их на место. И в конце концов последний встал в правильное положение, а замок с щелчком открылся.

Линн беззвучно скользнула внутрь и огляделась при слабом освещении установленных у пола светильников. Помещение было тесным, в ряд стояли пять письменных столов. На двух столах лежали закрытые ноутбуки, остальные, похоже, забрали домой. В углу находилась мини-кухня со шкафом, кофеваркой, мойкой и холодильником, а в другом конце комнаты перед выходившим во двор окном виднелся большой стол с шестью стульями. Она подошла к одному из компьютеров, открыла его и проверила угол обзора веб-камеры. Закрыла и проверила ноутбук на соседнем столе. Отследив направление объектива его камеры взглядом, она остановила свой выбор на нем.

Вставив в него флешку, она уже собиралась запустить программу по взлому пароля, но передумала и оглядела монитор в поисках приклеенного листка бумаги. Однако его не оказалось. Под ноутбуком, снизу на крышке письменного стола и на задней поверхности его ящиков ей также не удалось ничего найти. Она уже хотела сдаться, решив, что зря рассчитывала решить проблему так просто, даже несмотря на то, что люди имели привычку записывать свои пароли, но сделала последнюю попытку. Она ощупала изнутри настольную лампу, посмотрела под стулом и приподняла беспроводную клавиатуру. Там он и находился. На нем было написано «*Nordman. AK2437*». Имя пользователя и пароль. Она ввела эти данные и принялась наблюдать за тем, как на экране появился логотип «Скрытой правды» на фоне шведского флага. Ей удалось сэкономить время, хоть она и смогла бы добиться того же самого результата с помощью специальной программы.

Кликнув по иконке *Viper* на флешке, Линн активизировала XOR, программу-обфускатор, предназначенную для того, чтобы помешать антивирусной системе обнаружить вторжение. Она также на всякий случай ввела код *Rundll32* с временной задержкой, чтобы гарантировать удаление файлов *DLL*, когда все закончится, после чего, нажав *Return*, наблюдала, как *exe*-файлы начали устанавливать программу удаленного администрирования.

Шум в коридоре заставил ее вздрогнуть. Двери лифта открылись, и, увидев, как из него вышел охранник, она быстро выключила экран и вжалась в офисный стул. Луч его фонаря скользнул по комнате, а потом двинулся вдоль стеклянной стены, и только когда исчез на лестнице, она снова включила экран. До установки программы осталось тридцать секунд, и в попытке скрасить ожидание она обратила внимание на украшавшие стены плакаты. Одного из них с нарисованным на красном фоне вольфсангелем, геральдическим символом, который когда-то являлся символом организации «Белое арийское сопротивление», хватило бы, чтобы понять, на чьей стороне с политической точки зрения стояла «Скрытая правда». Пусть даже они и не использовали этот знак на своей веб-странице. Рядом с ним виднелся шведский военно-морской флаг, закрывавший половину стены.

И пацифик.

Она удивленно приподняла брови. Но потом до нее дошло, что они, скорее, воспринимали его как руно смерти, куриную лапу, которой правые экстремисты обычно украшали надгробия своих мертвых товарищей. Экран замигал. Она нажала *Run software* и покосилась в сторону коридора. Никого. На столе, стоявшем рядом с ней, лежало множество распечаток – статьи, листовки и плакаты. Прямо на них стояли пустые кофейные чашки и банки из-под энергетических напитков. А в урнах виднелись упаковки от кебаба, пиццы, суши и других продуктов быстрого питания.

«Они рискуют прослыть предателями своего народа за такие гастрономические предпочтения – сами способствуют смешению культур, с чем так рьяно борются. Но нацисты не слишком сильны в логике», – подумала она.

Зеленая полоска на экране компьютера тем временем заполнила все отведенное ей пространство. Заметив это, Линн нажала *Finish* и поднялась со стула, а потом попятилась назад зажав мобильник в руке. Она вошла с него в *Viper RAT* и, кликнув на *Web camera remote*, наклонилась так, что ее лицо оказалось на уровне камеры компьютера. Она увидела его на экране своего телефона и сместилась в сторону. Комната тоже была на нем хорошо видна. И, прежде всего, стол для совещаний. Сев на один из окружающих его стульев и постучав по поверхности стола, она увеличила до максимума чувствительность звука программы. После чего произнесла «*один, два, один, два*» обычным голосом и, отрегулировав уровень громкости так, чтобы ей не составило труда различить слова говоривших, посчитала эту часть своей миссии здесь законченной.

Теперь ей нужно было, воспользовавшись случаем, попробовать извлечь еще какую-то выгоду для себя.

Она полистала лежавшие на столе для совещаний бумаги. Большую часть составляли полиграфические буклеты хорошего качества, напечатанные сочными красками на дорогой бумаге. Листовки со светловолосыми детьми. С этническими шведскими семьями. Альбом с европейскими флагами на обложке. Черной униформой. Сельскими пейзажами. Тракторами и пшеничными полями. Высокими, покрытыми снегом горами. Флагами и вымпелами с символикой панъевропейской фашистской партии «Альянс за мир и свободу» (АМС). Она покачала головой. Это название вполне подошло бы в качестве девиза и анархистам. Она удивилась, поскольку эта организация имела прямо противоположные задачи. К партийной программе был приклеен листок с надписью «*Как нам помочь датчанам собрать деньги для АМС?*». Она пнула стоявшую под столом коробку. И здесь были копии программы. Она вздрогнула и наклонилась. «Поставщик: Постнорд Дания» – указывала наклеенная этикетка. В качестве отправителя значилась фирма Ульв А/С из Копенгагена.

У Линн все похолодело внутри. Она не проверила этот след в ноябре, когда в последний раз столкнулась с ними. Посчитала, что их, в конце концов, арестовали, когда удалось доказать причастность сотрудников данной компании к стрельбе около SEB банка. Ведь датская полиция имела все основания для того, чтобы отправить ключевых фигур организации в тюрьму. Всю верхушку. Она не стала глубже влезать в это расследование. Поверила Рикарду, когда он сказал, что они все предстанут перед судом. Потом исследование, которое она делала для Королевского технологического института, отняло у нее все время. Она не успела. Или не смогла. Устала от ненависти.

А сейчас они вернулись.

Речь явно по-прежнему шла о деньгах. Для правых экстремистов. Насколько она знала, Европейский парламент усложнил процесс получения средств ЕС экстремистскими партиями, и они беспокоились, что не смогут продолжать свою деятельность.

«И вполне обоснованно», – подумала она, поскольку руководство АМС состояло из одного шведского нациста и одного итальянского фашиста, осужденных за причастность к теракту в Болонье 1980 году, когда погибло сто человек. Вместо этого датчане явно выступили в качестве инвесторов.

В центре стола для совещаний лежал листок бумаги со сделанной от руки надписью: «*Видеовстреча в пятницу в 15:00*». Никакой даты. Она подошла к ноутбуку, камера которого фиксировала все происходившее здесь, закрыла Vipec и вошла в календарь программы Outlook. Там значилось: «*Пятница 16 марта, видеоконференция с Данией*». Через три дня. Линн сделала пометку у себя в мобильнике.

Она не должна была пропустить эту встречу.

Глава 8

Среда

Никто, наверное, не смог бы ничего возразить. Рикард скосился на Марию, стараясь одновременно следить за дорогой, движение на которой, как обычно в утренние часы, было интенсивным. Ему нравилось в ней все. Морщинки между бровей. Сосредоточенный взгляд. Она целиком. Многие в участке знали об их отношениях. И довольно давно, если верить Эрику. В то же время она считалась одним из самых компетентных экспертов, находившихся сегодня в их распоряжении. К ней обращались в первую очередь. И именно по этой причине он вызывал ее в последнее время чуть ли не каждый день, даже когда у нее был законный выходной. Но в результате он все равно чувствовал себя довольно неловко, за сверхурочные ведь ей платил отдел, в то время как другие эксперты находились на службе. Она с улыбкой шлепнула его по ноге.

– Кончай хмуриться и лучше смотри на дорогу, – сказала она и, указав рукой через лобовое стекло, добавила: – Нам туда, поверни здесь направо.

Он последовал ее указанию, миновал Рогсведскую школу и затормозил перед домом с табличкой «Эрваллакroken, 23». Рядом с подъездом лежали кучей несколько ржавых детских велосипедов. Он посмотрел на второй этаж, где находилась квартира Ильвы. Грязный бетонный фасад. Обшитые гофрированным железом балконы. Почти на каждом параболические антенны. Но не на ее. Там, судя по всему, висело белье на специальной сушилке.

«Кто стал бы сушить белье, задумав свести счеты с жизнью?» – подумал он. Мария открыла замок и шагнула внутрь, склонившись под оградительной лентой. Рикард последовал за ней. У него создалось впечатление, что они постоянно находились на шаг позади кого-то. Сначала в доме нацистов, а сейчас в квартире Ильвы, о которой они ничего не знали до вчерашнего дня. В обоих случаях полиция Флемингсберга уже успела побывать там вместе с дежурным экспертом. Но Линн позвонила ему накануне абсолютно вне себя от волнения и попросила изучить обстоятельства смерти Ильвы. Поскольку та была членом группы АФА, на которую напали нацисты, заманив их в ловушку чуть меньше недели назад. И сейчас его мучил вопрос: действительно ли существовала связь между этими событиями или последнее было лишь трагическим самоубийством?

Что касается расследования избиения в Тюресё, они так толком и не сдвинулись с места. Эрик все еще проверял некоторые детали. Но, судя по всему, вряд стоило надеяться, что они смогут продвинуться дальше. Клара Рессель как сквозь землю провалилась. А Карл Павич по-прежнему сидел в изоляторе, не выказывая ни малейшего желания говорить. Как и Эзги. Криминалисты тоже пока ничем не смогли помочь.

Он полистал отчет дежурных экспертов, который Мария захватила с собой, но не нашел там ничего конкретного, что подтвердило бы подозрения Линн, которая не верила в обычный суицид. Просто кое-какие моменты немного не вписывались в общую картину. Странности, как он бы их назвал. Сушившееся на балконе белье. Кофеварка. Незапертая дверь. Пластиковый комбинезон зашуршал, когда он вслед за Марией переступил порог крошечной кухни. В ней было на удивление слишком чисто, словно никто не жил здесь. В этой дешевой и давно не знавшей ремонта квартирке. Эхо 60-х. Никакой грязной посуды, никаких пряностей и ничего другого, указывавшего на то, что ее хозяйка любила готовить.

– По мнению Линн, о самоубийстве не могло быть и речи, – сказал Рикард. – Ильва приходила к ней домой несколько дней назад и просила проверить ее соратников, которых

она подозревала. Линн не заметила у нее никаких признаков депрессии и психоза. Наоборот, Ильва горела желанием разобраться с нацистами, нападшими на них.

– И все равно полиция Флемингсберга уже фактически закрыла это дело, считая случившееся суицидом, – заметила Мария.

Рикард кивнул и указал на столешницу.

– Хотя кое-что и не сходится, – заметил он. – Согласно отчету, кофеварка, к примеру, когда эксперты попали внутрь, стояла заправленная кофе и водой.

Мария подняла крышку. Фильтр был заполнен порошком.

– Этого хватило бы на несколько человек, – сказала она. – Или же Ильва хотела выпить целую бадью сама, чтобы максимально взбодриться, прежде чем заниматься делами.

Она задумчиво покачала головой.

– Вряд ли кому-то могло бы прийти в голову так заправиться кофеином, если он собирался повеситься. Что сказали патологоанатомы? Они тоже поверили в самоубийство?

Рикард не успел встретиться с судмедэкспертами, а только поговорил с ними по телефону. Обычно он старался лично встречаться с довольно своенравным доктором Паскалем. Ему нравилось между делом болтать с ним о музыке или даже чуточку послушать что-нибудь новенькое из дэд-металла, который обычно звучал в его закутке в морге. Тогда сам смог бы рассказать Паскалю и о предстоящем концерте Conflict, который, пожалуй, мог заинтересовать патологоанатома: почти за сорок лет своей карьеры эта анархистская панк-группа никогда не выступала в Швеции.

– По их мнению, ничто не противоречит версии самоубийства. Только она не оставила прощальной записки и не принимала предварительно ни успокоительного, ни алкоголя, что считается обычным в таких случаях, заменив их кофе, – сказал он и кивнул в сторону кофеварки, а потом продолжил изучать отчет, который Паскаль переслал ему по электронной почте.

– Царапины на шее от ее собственных ногтей. Это в порядке вещей. В желудке никакой пищи, никакого кофе, – добавил он немного спустя, водя пальцем по экрану.

Мария громко вздохнула и натянула на лицо защитную маску.

– Кофеварка и белье, похоже, оставались нетронутыми несколько дней. А потом что-то случилось, и она решила покончить с собой. Стул, на котором она стояла, лежал на боку где-то в метре от нее, – сказала она, а потом подумала, что покойная тоже вполне могла сама так оттолкнуть его ногой. Покопавшись в рюкзаке, Мария достала ультрафиолетовый фильтр и надела на карманный фонарик. Она поводила лучом по полу и стенам комнаты, а потом подошла к балконной двери и батарее центрального отопления, к которой был привязан шелковый шнур.

– Никаких следов крови.

Рикард пролистал дальше отчет судмедэксперта.

– У нее на шее осталась борозда от шнура. Но Паскаль особо отметил, что петля, судя по всему, перемещалась, – сказал он, наблюдая, как Мария собирает волокна с серого дивана и убирает их в специальный пакет. Затем он перевел взгляд вверх. Его удивило, что торчавший из потолка небольшой железный крюк смог выдержать вес девушки и не оторваться. Но ее нашли именно висевшей на нем.

Мария повернулась и посмотрела на него.

– Тогда, возможно, кто-то задушил ее, переместил тело, а потом подвесил к потолку, чтобы имитировать самоубийство. Из-за чего петля и сместилась, – сказала она.

– Да, похоже на то, – согласился Рикард. – Кроме того, у нее есть повреждения в верхнем углу щитовидного хряща и подъязычной кости, которые могли возникнуть в результате внешнего воздействия.

Мария пожала плечами.

– Они с таким же успехом могли появиться, если рывок получился достаточно сильный, когда бедняга упала со стула, – возразила она.

– Все правильно. Нам же ничего не известно о ней. А кофе и белье, возможно, просто совпадение. Пожалуй, все началось с нападения на базе нацистов. Она испытала сильный шок. Ее мучило чувство вины из-за того, что один человек из их группы чуть не умер. Панический страх. Ей захотелось избавиться от всего этого, – согласился Рикард и покачал головой. Они же на самом деле ничего не знали об Ильве, кроме того, что рассказала Линн. Но она тоже не общалась с ней несколько лет, пока та внезапно не появилась у нее на пороге пару дней назад.

Мария задумчиво посмотрела на грязно-серый потолок.

– Такая возможность существует, – констатировала она. – Но в нее, значит, не верит Линн? А кого конкретно Ильва просила ее проверить?

– Ильва боялась, что нацисты внедрили к ним своего человека. То есть в группу АФА, вместе с которой она вторглась в их дом, – объяснил Рикард.

– А они могли сделать что-то такое? – спросила Мария.

Рикард задумчиво окинул взглядом комнату. Пустые стены. Никаких политических плакатов или хотя бы обычных картин. Чистый пол без следов крови, которые указывали бы на борьбу. И тело не имело никаких соответствующих повреждений.

– Это выглядит надуманным. Но, конечно, такого нельзя исключать, – ответил он. – Сначала засада в доме. Потом странное самоубийство.

Мария подняла пинцетом к свету волос, собираясь опустить его в пакет для улик.

– Не ее цвет. Но он может принадлежать кому-то из ее друзей, которые бывали здесь. И мне особо не верится в причастность нацистов к ее смерти. Почему тогда? Они же знали, что члены АФА навещают в их дом, и приготовили им достойную встречу. А потому вряд ли могли отомстить потом. И они к тому же уже сильно избили Эзги, – сказала она и, сунув пакетик с волосом в свой рюкзак, добавила: – И если они действительно хотели запугать АФА, зачем обставлять смерть Ильвы как самоубийство? Им следовало просто застрелить ее, это выглядело бы как явное послание.

– Да, но ведь и Павичу, и Рессель известно, что у нас есть их имена. Они, пожалуй, захотели бы отомстить, не привлекая к себе внимания. Или защитить своего человека от разоблачения, – возразил Рикард.

Он подошел к полке и вытащил из нее несколько книг. Это оказались учебники для студентов юридических факультетов. По международному праву. По экологическому праву. Неожиданно много законов и инструкций, если учесть анархистское прошлое Ильвы. Он принялся рассматривать следы пыли. Поднял несколько сборников учебных материалов, засунутых поверх учебников, а потом позвал Марию, которая стояла на коленях в прихожей с прижатой к полу пластиковой пленкой.

– Кто-то, похоже, недавно вынимал все книги. И поднимал сборники учебных материалов. Самые пыльные лежали внизу, – сказал он.

– Кто-то обыскивал квартиру? – предположила она.

– Или Ильва просто ленилась убраться и сама искала что-то, – ответил он.

Мария осторожно оторвала желатиновую пленку от пола и подняла ее к свету. Никаких следов обуви. Только немного пыли и зерен песка.

– Зато здесь никаких проблем с уборкой. Идеальная чистота, – сообщила она и покосилась на брошенные в углу кроссовки. – Кто прибирается, собираясь сунуть голову в петлю?

У нее по коже пробежала дрожь, когда она представила себе молодую белокурую женщину, болтавшуюся под потолком. Почему она поступила так? Внезапно поняла что-то? В то же время, насколько Мария знала, в закрытых группах, членов которых связывали общие идеи, люди зачастую испытывали очень сильные эмоции. Пожалуй, Ильва почувствовала себя неспо-

собной повлиять на общество, по ее мнению, двигавшееся в неверном направлении. Борьба за новый мир измотала ее, и она в конце концов сдалась.

«Если она все-таки повесилась сама», – подумала Мария и тяжело вздохнула.

Она сфотографировала пол в прихожей, открыла входную дверь и приложила желатиновую пленку к бетонному полу лестничной площадки. Похоже, на ней проявилось несколько отпечатков, принадлежавших, судя по всему, валявшейся в прихожей обуви.

Она оцепенела.

Нечеткий след грубой подошвы виднелся в углу пленки. Обувь, пожалуй, была 45-го размера. След перекрывал другие отпечатки. На пути с лестничной площадки в квартиру.

– Кто-то, похоже, приходил к Ильве. Мужчина, – сообщила она и показала пленку Рикарду, который подошел к ней.

– О'кей. Но это мог быть почтальон, – сказал он.

– Или ее убийца. Возможно, тот, кто охотится за всей группой. Нам, кстати известно, кто еще входит в нее? – поинтересовалась Мария.

Рикард покачал головой.

– Избитая девица, Эзги, все еще не рассказала, кто составлял ей компанию. У нас есть лишь пара имен, которые назвали ее родители. Антон и Фредрик, если я правильно помню. Но Линн должна знать. Кто-то из группы нашел ее и рассказал о случившемся с Ильвой, – ответил он.

«Но это вовсе не значит, что она назовет их нам», – подумал он. Пусть они вместе занимались несколькими делами и знали друг друга уже почти год, по его мнению, Линн по-прежнему особо не стремилась помогать правоохранительным органам. Даже если она попросила его присмотреться к этому самоубийству, вряд ли стоило рассчитывать, что она намеревалась выдать им своих бывших политических друзей. А если речь шла о возможном лазутчике нацистов, то Линн, скорей всего, хотела провести собственное расследование, прежде чем снова обращаться в полицию.

– Соседи не видели ничего странного. А когда Ильва виделась с родителями пару недель назад, все было как обычно. Они с сестрой собирались прокатиться в следующем месяце в Берлин и загодя заказали билеты. А отец собирался помочь ей со статистикой для дипломной работы, которую нужно было сдать на этой неделе. Именно поэтому он и отправился к дочери, когда она не пришла, – сказала Мария, листая на своем телефоне отчет, полученный по электронной почте из полиции Флемингсберга, когда Рикард завернул в полицейский гараж, расположенный под Крунубергским парком.

– Точно как утверждала Линн: никаких признаков депрессии или мыслей о самоубийстве. А еще ее мобильник пропал. И это выглядит странно, – добавила она.

– Может, и нет. Если верить СЭПО, члены АФА постоянно меняют телефоны, – возразил Рикард. – Если она задумала совершить самоубийство, то, наверное, сначала избавилась бы от мобильного. Мне стоит узнать мнение Линн по этому поводу. Затем надо посмотреть, что сможет сделать лаборатория с собранными тобой материалами, и только тогда мы будем решать, надо ли официально начинать расследование убийства. Но прежде всего мы должны связаться с другими членами группы Ильвы.

– Да. Узнать, не угрожал ли им кто-то. Не охотятся ли за ними, – поддержала его Мария.

«Хотя это же, наверное, перманентное состояние для любого члена АФА», – подумала она. И все равно Линн, пожалуй, была права. В их группу проник враг.

Агент нацистов, который уже совершил убийство, чтобы избежать разоблачения.

Глава 9

Рикард заметил Линн на мостках чуть ниже ее дома. Опускавшееся к горизонту солнце отражалась в воде пролива Орставикен, придавая ей красноватый оттенок. На этом фоне он и различил ее темный силуэт. Она стояла спиной к нему. Он развернул машину и, припарковавшись у тротуара под мостом, выбрался на улицу. Подкрадываясь к ней, он с удивлением заметил, как Линн вытаскивала из полыньи в тонком льду трепетавшую рыбешку.

– Неужели твоя стипендия закончилась? – поинтересовался он.

Линн улыбнулась и покачала головой.

– У меня стипендия аспиранта. Королевский технологический институт платит не так много, но мне, конечно, не приходится есть плотву, чтобы не умереть с голоду. Рыба для Тесс, – сказала она.

Он непонимающе посмотрел на нее и последовал за ней через калитку.

– Я назвала ласку в честь Тесс Асплунд. Женщины, вставшей на пути демонстрации нацистов в Бурленге несколько лет назад.

Линн положила рыбу в миску под фундамент дома и добавила:

– Они обе маленькие, сердитые и бесстрашные.

«Естественно, это не так банально, как если бы она взяла себе выброшенную кошку», – подумал он, когда они вошли в дом.

Она дала ему чашку жасминового чая. В холодном воздухе, проникающем из окна, над ней белым облачком поднимался пар. Цветочный аромат смешивался со слабым запахом свежепойманной плотвы. Линн серьезно посмотрела на него.

– Вам удалось выяснить что-нибудь?

– Не более того, что уже установила полиция Флемингсберга. Судя по всему, речь идет о самоубийстве. Но я не могу вдаваться в подробности, – сказал Рикард и заметил, как она помрачнела. Он колебался. Растягивал слова.

– Но есть кое-какие странности. Точно как ты и говорила, у нее, похоже, отсутствовали причины кончать с собой. И мы не нашли в квартире ничего, что могло бы объяснить, почему она вдруг решила повеситься.

«Но также ничего противоречащего версии самоубийства, во всяком случае, никаких следов борьбы», – подумал он.

Линн оставила на свою чашку.

– Кто-то предупредил нацистов о том, что Ильва и ее группа собираются напасть на дом в Тюресё, – сказала она и провела пальцами по ее краю. – Но они все равно не могли взломать их компьютеры и мобильники. Акции подобного рода в АФА обычно готовят без использования электронных средств связи. По словам Ильвы, так все было и в этот раз. Они не хотели оставлять следов.

– Мне нужны имена членов ее группы. Тех, кто остался.

Линн опустила взгляд и не ответила. Рикарду пришлось сжать зубы, чтобы не показать свою злобу.

– Если ты молчишь из-за глупой лояльности к АФА, забудь про нее, иначе мы не сможем сотрудничать. Если какой-то нацист внедрился в группу, нам необходимо поймать его. Если речь идет не о суициде, а об убийстве, то это определенно дело полиции, – сказал он и сделал несколько больших глотков чая. Обжег себе язык. И с раздражением ждал ответа.

Линн сидела молча. Ильву убили. Она не видела альтернативы. Но действительно ли речь шла о лазутчике? Об Антоне? АФА вряд ли могла бы взять в свою группу человека, не проверив его самым тщательным образом. И Ильва тоже при ее опыте по части наблюдения, слежки и конспирации.

А может, кто-то из членов других групп все-таки совершил оплошность, поговорил с кем-то по небезопасной линии, и его подслушали? Даже если нацисты не всегда отличались достаточными техническими навыками, им, похоже, удалось выяснить адрес Ильвы, а потом они убили ее, отомстив за нападение на базу в Тюресё.

Или это и правда было самоубийство? Она отодвинула в сторону свою чашку и принялась нервно барабанить пальцами по поверхности стола.

– Я уже не знала ее так хорошо, как раньше, – сказала она. – Мы почти не общались в последние годы. Я не поверила ей, что какой-то нацист мог внедриться в группу. Насколько я знала, такого ведь никогда не случалось ранее.

Она подняла руки и прижала пальцы к неистово пульсировавшим вискам.

– Но я и не поинтересовалась, как она себя чувствовала, – продолжила Линн. – Я помню, что значит постоянно жить в напряжении. Во власти страха. Все время ходить словно по лезвию бритвы. Возможно, она и не выдержала в конце концов.

Линн подняла взгляд на Рикарда и добавила:

– Все ведь катится в таргарары. Трамп, Ле Пен, Орбан, Окилов. Вместо любви повсюду пропагандируется ненависть. А вдруг она не смогла больше?

«Откуда мне знать, – подумала Линн. – Я ведь даже не поинтересовалась. Моя голова была забита сравнением разных симметричных Triple-DES-систем шифрования. Я целиком погрузилась в свое исследование. В то время как моя подруга не могла больше жить. Или в то время, как ее убивали».

Виски, казалось, вот-вот лопнут. Она встала.

– Я попытаюсь связаться с остальными из группы. Сама, – сказала она и подняла руку, останавливая его, когда увидела, что он собирался перебить ее. – У меня есть только кодированный канал связи по электронной почте и номер того, кто рассказал мне о смерти Ильвы. «Левого» мобильного. Если ты сам попытаешься добраться до них, они, вполне возможно, свернут свою деятельность и исчезнут.

Она обязана была поступить именно так в память о прошлом в АФА. Ей требовалось стать посредником. И убедить бывших соратников в том, что интересы полиции не касаются основной деятельности организации. Что о политике в данном случае речь не идет. И ей следовало действовать очень осторожно, чтобы Антон ни о чем не догадался, если он действительно являлся агентом врага.

Рикард подозрительно посмотрел на Линн. Ее предложение устроило его. И все равно он не мог отделаться от ощущения, что она пытается обмануть его, только чтобы не раскрыть имена своих товарищей из АФА.

Он покачал головой.

– Я понимаю, что ты чувствуешь себя ответственной за них. Но, возможно, речь идет об убийстве. И я хотел бы присутствовать при этих разговорах.

«Она не сможет вытянуть из них всю нужную информацию, если группе действительно есть что скрывать, – подумал он. – Для этого надо уметь допрашивать».

Линн поняла по его голосу, что он не отступится от своего требования.

– Ладно, – сказала она. – Ты сможешь поговорить с ними. Но я должна найти их первой, чтобы вместе мы встретились с ними потом.

Рикард не ответил, он только еле заметно кивнул. Ему не нравилось это. Но в то же время она была права. Они не могли рисковать, вдруг группа потом уйдет в подполье. Эзги в больнице до сих пор молчала как рыба. У Рикарда не было ничего, что позволило бы им продвинуться в расследовании. Ему нужен был человек, который сможет завоевать доверие группы.

Ему нужна была Линн.

Линн села рядом с больничной койкой. Кожа под глазами Эзги еще была желтоватого оттенка. На скуле виднелась синеватая сетка тонких кровеносных сосудов. Вереница темных швов с красными контурами тянулась от макушки по лбу и ниже. Эзги смотрела на нее сначала удивленно, потом с подозрением. Линн не предупредила о своем визите.

– Привет. Я подруга Ильвы. Меня зовут Линн Столь, – сказала она, выудила из своей сумки книгу Кейтлин Моран «Как быть женщиной» и, подвинувшись ближе, положила ее на одеяло.

Эзги еле заметно улыбнулась и опустила взгляд. Она говорила едва слышно.

– Я знаю о случившемся с Ильвой. Антон приходил сюда. Он рассказал, – проямлила она, все еще смотря на одеяло, потом скосилась на Линн. – Я слышала и о тебе тоже. Поговаривают, ты перешла на другую сторону.

Линн подвинула стул еще ближе.

– Я осталась такой же, какой была всегда. Верю в те же самые вещи. Но работаю сейчас немного по-другому.

Эзги повернула голову и скептически посмотрела на нее.

– Ты работаешь с полицией.

– Я помогала им выследить нацистов, да. А также кое в чем помогала журналистам из «Группы расследований», RiseUp и датской ячейке АФА. А в молодости в течение пяти лет была активным членом АФА в Линчепинге, – сказала Линн и глубоко вздохнула. На нее нахлынуло раздражение. Она не знала Эзги и не видела никаких причин объясняться перед тем, кто явно уже составил свое мнение о ней. Тем более новичком в движении. Да еще и перед тем, кто на пять лет моложе ее. И все же Линн требовалась помощь этой девицы.

Она смотрела Эзги прямо в глаза, не опуская взгляда.

– Послушай. Мы на одной стороне. Мы оба, ты и я, хотим знать, как получилось, что нацисты ждали вас в доме в Тюресё. У меня есть возможности добраться до них, если мне только удастся получить что-то, с чем я могла бы работать. Я пыталась связаться с Антоном, но он не ответил. Номер, который он мне дал, наверное, не существует больше, – сказала она.

Эзги настороженно смотрела на нее. Линн улыбнулась и наклонилась ближе, пытаясь сломать невидимый барьер, отделявший ее от молодой женщины.

– Он не выглядел взволнованным при встрече с тобой? Или был таким, как обычно?

Линн видела, как она колебалась. Потом, похоже, Эзги решилась.

– Ну, Антон был обычным. Он рассказал, что тоже остался в доме во время акции. Но, по его словам, ему удалось сбежать. Он оказался более везучим, чем я, – подытожила она, а затем продолжила, взвешивая каждое слово: – Но я не видела, как он пробрался на чердак.

Эзги взяла лист бумаги и написала номер.

– Он поменял телефон. На всякий случай. Это «левый» номер, и его невозможно отследить. Ему нужно было поменять симку сразу после вашего разговора. Но он рассказал, что встречался с тобой, – сообщила она и холодно посмотрела на Линн. – *Он*, похоже, доверяет тебе.

Эзги наблюдала, как Линн удалялась по коридору. Слухи явно были правдой. Она спуталась с полицией. Стала частью структуры власти, защищавшей привилегии богатых. Почему она должна была помогать ей? Она ухмыльнулась и почувствовала, как заболела рана на лбу. В то же время вокруг происходило что-то странное.

Она взяла мобильник. Уставилась на экран. Фредрик тоже был у нее, как раз перед приходом Линн. Ей становилось спокойнее, когда она видела его лицо. Когда он находился рядом.

Он забыл свой телефон на тумбочке, когда выходил в туалет. Она не сдержалась и прочитала эсэмэс, всплывшее на его экране. Сигнал привлек ее внимание. Она сфотографировала сообщение. Из-за имени отправителя.

Клара.

Кем она была? В любом случае, она не принадлежала к АФА. Какая-то неизвестная женщина. Или девчонка. Ревность обожгла ее сердце. Даже если речь не шла ни о чем таком.

Она прочитала сфотографированное послание снова. Услышав шум открывавшейся двери – медсестра принесла черничный суп и болеутоляющие таблетки, – закрыла его рукой. Ее голова просто раскалывалась.

Она так еще и не поняла, о чем шла речь в эсэмэс. Там было написано: «*Внимание: Росомаха*». На следующей строчке: «*Репорт: объект Лисица*». Потом шло множество временных значений, перечисленных под заголовками «*приход*» или «*уход*». И все заканчивалось короткой фразой: «*В остальном нечего добавить*».

Это уж точно не выглядело как любовное письмо. Скорее напоминало отчет о слезке.

Линн нажала кнопку лифта и попыталась успокоиться.

Давно она не сталкивалась с таким отношением к себе. И все равно ей следовало смириться. Они видели все в черно-белом свете. Вечное разделение людей только на друзей и врагов, где все, кто не вписывался в их устоявшуюся картину мира, могли внезапно стать врагами. Они никогда не замечали бревно в собственном глазу. Пусть между ними царило полное согласие по основным вопросам – свободы и справедливости. Линн старалась избегать таких глупых конфликтов. И сейчас работала одна. Она вышла из Каролинской больницы и набрала номер Антона.

Эрик тяжело вздохнул, свернул с моста Вестербрун и медленно поехал в направлении уже опустевшего парка Роламбсхов. Лед тонким слоем покрывал бетонный пол расположенного под мостом скейт-парка. Он затормозил и какое-то время тупо таранился перед собой. Потом достал свой мобильник, написал несколько коротких комментариев, сохранил отчет и закрыл папку, содержащую материалы расследования инцидента в доме нацистов. Его последний визит в полицейский участок Седермальма тоже закончился неудачей. Карл Павич продолжал молчать в своей камере. Лидер нацистов оказался тертым калачом. Попытка Эрика поторговаться с ним или настроить его против Клары Рессель провалилась. Павича придется выпустить завтра, если у них не появятся никаких доказательств.

В попытке улучшить себе настроение он набрал сообщение на телефоне. «*Скоро увидимся*». Добавил множество сердечек и отправил. Смена у обоих заканчивалась через несколько часов.

Мир вокруг полностью изменился после того, как он встретил ее в ресторане Сальт. Она сама сделала первый шаг, угостив его пивом. И выглядела просто фантастически. Они выпили только по паре бокалов, а потом расстались, дав друг другу обещание увидеться на следующий день, чтобы потренироваться вместе. С тех пор минуло пять дней. А казалось, словно пять месяцев. Или год. Они встречались ежедневно после работы. После обеда он начинал считать часы, когда сможет освободиться, ему хотелось отправиться в дорогу как можно быстрее. Создавалось впечатление, словно они были знакомы всегда.

«Словно мы созданы друг для друга», – подумал он, хотя эта фраза казалась ему слишком банальной, и он обычно старался не использовать ее.

Но до их встречи он пообещал себе сделать одно дело. Чтобы не осталось ощущения, как будто день прошел зря. И убрал мобильник.

Перед ним на покрытый инеем газон, летом обычно заполненный множеством загорелых людей, вышли два паренька. Судя по их виду, оба были родом из Западной Африки и примерно того же возраста, в каком он сам впервые приехал в Стокгольм со своим 9 «Б» на экскурсию из Мухеды. Казалось, это произошло совсем недавно, хотя с той поры минуло уже более двадцати лет.

Парни шли по сухой траве и шутливо ссорились между собой. Он не спускал с них взгляда.

В подростковом возрасте Эрику постоянно хотелось поговорить с кем-нибудь о своих корнях. Хотел, чтобы его отец Йозеф, прежде чем умрет, рассказал ему как можно больше о своем детстве. Но папу всегда интересовало только настоящее. Шведская часть их жизни и нынешняя ситуация. Он не любил говорить об оставленной Африке. Она принадлежала прошлому. Швеция стала их общим будущим. Страной возможностей. Насколько Эрику было известно, у них остались родственники в Кении, но ему все равно хотелось знать больше. Но сейчас такой возможности у него уже не было: папа умер от инфаркта сразу после Рождества.

С тех пор Эрик часто разговаривал с матерью. Смог выяснить многое, хоть и с ее слов. Его дед по отцовской линии был рыбаком на острове Ламу. Родственники – мусульманами. Все они, за исключением папы Эрика, погибли во время большого урагана в середине семидесятых. Папа вырос в детском доме в Момбасе. Его усыновили сотрудники американской гуманитарной организации. Он познакомился с матерью Эрика в Стокгольмском университете. Религия предков не стала для него своей, скорее наоборот: пока Эрик рос, ни он, ни мать не слышали от отца ни слова о вере.

Парни подходили все ближе. Парочка, с которой Эрика связывало его африканское происхождение. Те, с кем он собирался поговорить.

Он полистал лежавшие на соседнем сиденье распечатки. Тексты выступлений делегатов Панафриканского национального конгресса и цитаты лидера Черных Пантер Бобби Сила давали пищу для размышлений. Были крайне эмоциональными.

«Мы будем защищать себя от вседозволенности и жестокости расистской полиции и военных всеми необходимыми способами». Он смутился. Призывы к насильственным действиям против его коллег представлялись ему неприемлемыми. В то же время он знал, что у многих копов, к примеру в США, еще сохранился менталитет, корнями уходящий в старое рабовладельческое общество. Он взял другую бумагу. Послание Нельсона Манделы имело противоположный смысл.

«Если люди способны научиться ненавидеть, они также могут научиться любить. Поскольку любовь более естественна для их сердец».

Парни проходили мимо его машины. Болтали о чем-то и, похоже, смеялись над ним. Они ведь вряд ли могли распознать в нем полицейского. Такие машины, как его личный «Олдсмобиль», обычно предпочитали поклонники гангста-рэпа. Кроме того, он надел желто-зеленую бейсболку фирмы «Фубу», чтобы парни приняли его за своего.

Он уже собрался открыть дверь и вылезти наружу, когда увидел еще одного черного юношу, идущего через поле. Все произошло очень быстро. Двое парней, только что миновавших Эрика, подбежали и третьему и начали его избивать.

«Черт», – подумал Эрик и, выскочив из машины, устремился к ним, чтобы остановить драку. Он схватил одного из нападавших за руку, пока двое других разбежались в разные стороны.

– Чем, черт возьми, ты занимаешься? – спросил он.

Махди удивленно посмотрел на бейсболку и шаровары Эрика и попытался вырваться.

«Это что еще за придурок?», – подумал он.

– Эй, отвали, это наше личное дело, – буркнул он.

Кровь ударила Эрику в голову.

– Заткни пасть, сопляк! – рявкнул он и, сунув парню в лицо полицейское удостоверение, потащил его к машине.

Махди ощутил крепкую руку на своем затылке, когда его заталкивали на переднее сиденье. Он был больше удивлен, чем испуган. Парень в бейсболке выглядел как те пародийные рэперы из Youtube, над которыми они обычно смеялись.

– Это была шутка. Мы просто дурачились, – сказал он.

Эрик запер двери.

– Сиди смиренно и помалкивай, – сказал он.

Махди окинул взглядом машину. У нее был красный кожаный салон, не слишком типичный для полицейского автомобиля.

«Что, черт возьми, происходит?» – подумал он. Его смутила блестящая желтая шапка стража порядка. Он остолбенел, когда тот повернулся к нему с улыбкой и заговорил нормальным голосом. Махди скрестил руки на животе.

– Как тебя зовут? Я не собираюсь арестовывать тебя, достаточно только имени. Мы просто поболтаем немного. Откуда ты родом? – спросил Эрик.

«Поболтать, да пошел ты», – подумал Махди.

– Я Чарльз. Из Шерхольмена, – сказал он.

– Меня зовут Эрик Свенссон, я инспектор полиции Стокгольма, – представился Эрик.

Махди рассмеялся и покосился на его коричневую кожу. Парень в бейсболке в любом случае обладал чувством юмора.

– О'кей, я понимаю, меня зовут Махди. А как твое настоящее имя? – спросил он.

Эрик перестал улыбаться.

– Это и есть мое имя, – ответил он. – Ты же видел мои документы. Мой отец из Кении, а мама шведка.

«Не так все должно было выйти», – раздраженно подумал он. В его планы не входило исповедоваться перед каким-то сопляком. Но сейчас речь шла о воплощении в жизнь старого принципа «*each one teach one*»⁹, а он не собирался сдаваться, еще даже не начав.

Махди подозрительно смотрел на Эрика.

«Что ему надо? Мы так и дальше будем сидеть здесь и рассказывать друг другу про свою жизнь?» – подумал он и решил, что полицейский хочет заморочить ему голову. Изображает из себя доброго дядю в надежде добиться своего. Махди весь напрягся. Он вздрогнул, как от удара, когда Эрик наклонился вперед. Он приготовился отбиваться, но тот достал из-за зеркала заднего вида вымпел. К своему удивлению, Махди увидел на нем изображение Кертиса Джексона, выступавшего под псевдонимом 50 cent – с голым торсом, двумя автоматами «Узи» и надписью *P.I.P.M.* снизу. Полицейский бросил его в бардачок.

– Нет, не то. Не это я искал, – сказал он и, порывшись в бардачке, извлек оттуда вымпел с черной, красной и зелеными полосками.

«Ага, – подумал Махди, – так я и думал. Радужный флаг».

Он постарался прижаться к двери, чтобы иметь возможность сопротивляться.

Полицейский поднял вымпел.

– Вот наш флаг! – воскликнул он.

«Вот, черт», – подумал Махди. Эрик посмотрел на сидевшего рядом с ним парня, пытаясь разобраться, понял ли тот его.

– Ты знаешь, что это за флаг? Понимаешь, о чем я говорю?

Махди не знал, что ему сказать. Однако он должен был как-то ответить и тем самым отвлечь полицейского. Поскольку боялся, что в противном случае его изнасилуют прямо сейчас.

– Ну, я не знаю на самом деле. Он откуда-то из Ближнего Востока? По-моему, я видел его на стене у отца одного своего друга, – промямлил он.

– Возможно, но это не палестинский флаг. Это наш флаг. Изначально наш. Панафриканский.

Махди никогда не слышал о такой стране.

---

⁹ Каждый учит другого (англ.).

Эрик улыбнулся ему.

– Это флаг Африки. Она в наших генах. Оттуда мы родом.

Махди все еще ничего не понимал.

– Но не я, – протараторил он. – Я из Шерхольмена. Я родился здесь. Моя бабушка из Сенегала, но мы никогда не встречались с ней.

Эрик вздохнул. Он не собирался сдаваться так просто, но и представить себе не мог, насколько трудно будет объяснять столь естественные вещи. Он держал вымпел перед собой.

– Это так символично, – сказал он. – У таких, как мы, людей с черной кожей, одни и те же корни. Черная полоска на флаге – это ее цвет. У нас общий генетический код.

Махди сидел молча, прикусив губу. Он перевел взгляд на светло-коричневую кожу полицейского. Как там его звали? Эрик Свенссон. Общие корни, ну конечно, будь по-твоему. Хотя у него цвет кожи больше напоминал загар, с которым обычные шведы возвращались домой с Майорки после отпуска, проведенного главным образом за игрой в гольф.

– Красная полоска на флаге – это кровь, пролитая в эпоху колониализма и рабства, – продолжил Эрик. Махди посмотрел на свои руки. От них немного воняло кровью, хлынувшей из носа придурка, которого он ударил несколько минут назад. Им пришлось преподать ему урок, чтобы тот не лез к младшим братьям их приятеля.

– Зеленый – это цвет джунглей, откуда мы все вышли, – не унимался страж порядка. Махди уже не мог больше слушать его. Полицейский явно был не в себе. Зеленые джунгли. Отец показывал ему фотографии пригорода Дакара, где жила бабушка. Красная пыль, гравий, камни. Пустыня. Бетон. Гораздо больше растительности он видел рядом со спорткомплексом в Ворберге.

– Итак, ты знаешь, что это означает? – спросил Эрик и строго посмотрел на Махди, по-прежнему держа вымпел в руке. Махди ничего не понял. Он решил, что полицейский, вероятно, и правда не в своем уме, рассказывая ему все это. И покачал головой.

– Это означает, что нам надо держаться вместе. Черные не должны бить черных. Мы все из Африки. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Наконец до Махди дошло, о чем шла речь. Полицейский болтал об их драке.

– Но, черт побери, я ничего не делал, – принялся оправдываться он. – Этот парень просто придурок, он приставал к младшим братьям моих друзей около Согбякской школы. Я из Шерхольма, а этот чертов негр только приехал из Сомали, и от него еще воняет козами. Если кто-то и родом из Панафрики, так это он. Его папаша, наверное, еще бегаёт где-то там и стреляет в воздух. Парень заслужил хорошую оплеуху.

«Может, так же было и с Маркусом Гарви?» – успел подумать Эрик, прежде чем буквально взорваться от злости.

– Прекрати нести чушь, чертов идиот! – заорал он. – У тебя совсем ума нет? Неужели ты не понимаешь, что когда вы деретесь между собой, вместо того чтобы объединиться против расизма, это на руку кому-то другому.

Насколько Махди понял, полицейский говорил о том, почему сам трусливо поменял фамилию на Свенссон, пытаясь больше походить на викингов, но решил не заикаться об этом. Все его мысли были только о том, как бы побыстрее спастись от назойливого собеседника: он не мог больше слушать дребедень, которую тот нес. Он уже начал думать, что лучше бы он позволил себя изнасиловать.

– О'кей, о'кей, я подумаю еще о Панафрике, – пробурчал он. – Можно мне теперь уйти?

«Боже, парень так ничего и не понял», – подумал Эрик и сдался наконец.

– Ладно, Махди, иди, но не забывай, о чем я говорил тебе, – сказал он. – Нам надо держаться вместе. Если я увижу что-то подобное еще раз, ты отправишься за решетку за избиение.

«В камеру, где сидят члены „Арийского братства“», – подумал он и отпер двери. Махди выскочил наружу, улыбаясь, махнул на прощание рукой и быстро удалился вверх по склону в направлении станции метро. Эрик остался в машине и снова какое-то время тупо таранился перед собой.

«Что за чертов день», – подумал он и затем медленно тронулся с места. Неделя выдалась на удивление тяжелой.

«Трудно быть пророком в родном городе», – подумал он.

Глава 10

Линн с удивлением смотрела на конверт формата А4, который держала в руке. На нем красовалась сделанная Ильвой надпись фломастером *«Для Линн Столь. При необходимости»*. Она была выполнена небрежно, словно Ильва спешила. Ниже Линн увидела свой адрес.

Антон с угрюмой миной смотрел на нее. По тому, с каким напряжением он наблюдал за ней, она поняла, что ему не терпелось увидеть содержимое. На конверте была наклеена марка. И все равно он предпочел передать его лично. Она не знала, что ей думать. Он выглядел примерно так же, как и в предыдущий раз. Не вызывал особой неприязни и держался относительно спокойно. Пожалуй, старался казаться безучастным. Словно он просто пытался выполнить свое задание наилучшим образом.

Вопрос был только в том, на кого он работал.

Она вскрыла конверт. Судя по всему, раньше его не открывали, во всяком случае, такое у нее создалось впечатление.

Она посмотрела в окно. На улице шел мелкий дождь. Собачники спешили по тротуарам, кутаясь в куртки и пальто, чтобы не замерзнуть. Они лавировали между голыми липами, стараясь не наступать в смесь гравия, воды и глины, представлявшую собой довольно липкую и скользкую субстанцию. Линн понимала, что им очень хотелось поменяться местами с ней и Антоном, когда они замечали их в освещенном окне кафе «Голубой лотос».

Антон отодвинул чашку масалы с овсяным молоком и наклонился вперед.

– Конверт был спрятан в одном из наших мест для встреч, – сообщил он, а потом рассказал, что Иван нашел его в одном из шкафов для документов на заводе по производству углекислоты, когда был там накануне.

Линн осторожно сунула письмо в свой рюкзак и посмотрела на Антона. Он заметно помрачнел, поняв, что она не собиралась показывать письмо ему.

– Полиция хочет поговорить с вами, – сообщила она. – Об избиении в доме в Тюресё. И о самоубийстве Ильвы.

Он промолчал.

– Это ради вашей же пользы, – продолжила Линн раздраженно. – Раз уж нацисты фактически пытаются разобраться с вами.

«Если они действительно охотятся на вас, – подумала она. – И если лазутчик на самом деле существует».

Она не сводила глаз с Антона. Ей показалось забавным, насколько стереотипно – не только для заведения, где они находились, но и для Седермальма – он выглядел со своей хорошо ухоженной щетиной, в рубашке фирмы «Дикис», берете как у Че Гевары, натянутом на черные локоны, и с веганским пирожным на тарелке.

Он крутил фарфоровую чашку в руках и ничем не выдал своих мыслей по поводу услышанного. Она прекрасно понимала, что они предпочитали разбираться с такими вещами сами, без привлечения полиции. Но одновременно ему следовало понять, что сейчас ситуация сильно отличалась от обычной.

Речь шла о засаде.

О покушении на убийство.

И, пожалуй, об убийстве.

Антон кивнул кому-то, только что появившемуся в дверях кафе, и широко улыбнулся. Молодая девушка с афрокосичками поздоровалась с ним. Линн тем временем попыталась вспомнить, что она знала о нем. Они выпили по чашке кофе тогда, год назад, после первомайской демонстрации на площади Сергеля. На том все и закончилось. Тогда она проявила больший интерес к нему, чем он к ней. Даже поспрашивала о нем у общих друзей, отправила

ему эсэмэс, но больше выйти с ним на связь не пыталась. Он давно принадлежал к синдикалистам. Она нашла в сети написанные им полемические статьи и фотографии демонстраций с его участием.

Мог ли Антон действительно иметь какое-то отношение ко всему? Почему именно он появился у нее с известием о смерти Ильвы и сейчас передал ей конверт? Может, он уже вскрыл его над паром и ознакомился с содержимым или сам написал письмо, чтобы пустить ее по ложному следу? Зачем ему понадобилось бы так усложнять все, когда он мог просто уйти в подполье и исчезнуть?

Антон надел куртку.

– Я не думаю, что мы зайдем слишком далеко, – сказал он.

Она знала, что он имел в виду. В каком-то смысле он считал ее сотрудником полиции. Частью властных структур. Аппарата угнетения, членов которого порой, пожалуй, не без оснований подозревали в том, что они слишком рьяно защищали демонстрации нацистов. Он поднялся и с каменным выражением лица положил руку ей на плечо.

– Я свяжусь с твоим знакомым из полиции, если ты дашь мне номер. Остальные члены группы, Фредрик и Иван, сами решат, как поступить. Но я сообщу им, – сказал он и, убрав руку с ее плеча, направился к выходу. – Однако на это уйдет время. Сначала мне надо разобраться кое с какими делами, – добавил он на ходу.

Выйдя на улицу, Антон плотнее закутался в куртку и направился в сторону площади Нютorget. Теплый свет, пробивавшийся наружу из окон бара Pet Sounds, манил его. Однако студенческое пособие давно закончилось, и в этот раз ему с неохотой пришлось пройти мимо.

Он не знал, на чьей стороне находилась Линн. И мог ли он положиться на нее. Она казалась ему надежной. Но он не имел права на ошибку. Слишком многое стояло на карте. В акции, которую они спланировали, должны были участвовать и другие отделения АФА. Она не могла провалиться. Особенно после случившегося в доме нацистов в Тюресё.

Они собирались дать им настоящий бой. Не могли позволить правым экстремистам спокойно провести через неделю их большую манифестацию в Гетеборге в день смерти Йозефа Менгеле. Намеревались тоже прибыть туда. Вывести из строя звуковое оборудование. Останавливать машины. Марш требовалось сорвать или задержать его начало. Чтобы нацистам пришлось шествовать в темноте по окраинам.

Антон боялся, что полиция хочет под каким-то предлогом задержать его группу за подготовку к преступлению и подстрекательство к нему, но и мысли не допускал, что поддастся на обман.

Он покачнулся, когда порыв ветра застиг его на площади, а потом прижался к стене дома, пытаясь спрятаться от дождя. Линн, пожалуй, руководствовалась исключительно благими намерениями. Она свято верила, что помогала ему и другим, но, скорей всего, полиция использовала ее в качестве марионетки, надеясь таким образом добраться до антифашистских групп. Он медленно пошел вверх по лестнице в сторону парка Витаберг и сквозь туман увидел контуры церкви Софии, а потом не спеша брел по ступенькам вниз. Ему требовалось побыть наедине со своими мыслями.

Линн, пожалуй, смогла бы помочь ему. Но с чего она стала бы делать это? И если в их группу внедрился враг, он хотел сам разобраться с этим. Однако, толком не зная, кого ему искать, опасался ошибиться. В то же время он боялся, что, если в такой ситуации в дело вмешается полиция или он попросит помощи у Линн, их планы относительно Гетеборга не удастся сохранить в тайне. И возможного агента нацистов, и правоохранителей наверняка интересовало, какие акции АФА готовила в будущем, чтобы они могли нанести удар – каждый со своей стороны. Не ведая о намерениях друг друга. Хотя порой создавалось впечатление, что у правых экстремистов хватало сочувствующих среди стражей порядка, которые сливали им информа-

цию. Слишком уж часто адреса и убежища антифашистов становились известны нацикам, хотя они сами не обладали ресурсами, чтобы добывать такие данные. Если они, конечно, не приходили от тех же самых кротов.

Предателей в их собственных рядах.

С одним из которых ему, пожалуй, предстояло встретиться через несколько часов.

Глава 11

Четверг

Антон вытащил свой мобильник, когда тот дал знать о себе. Новое сообщение. Он кликнул по ссылке. На экране появилась лестничная площадка на Ярнберарвеген в Бреденге. В реальном времени. На этот раз датчик движения среагировал на нужного человека. Не на каких-то детей, игравших на лестнице, и не на безработного алкаша, жившего в квартире напротив. Ожидание закончилось.

В зону обзора попадало пространство перед лифтом. Он спрятал питающуюся от аккумулятора камеру с радиопередатчиком под потолочным светильником, чтобы она обеспечила нужную картинку. Экран померцал еще немного, потом на нем появилась спина, одетая в зеленую военную куртку. Мужчина собирался запереть свою входную дверь.

Антон отодвинул в сторону пустую тарелку из-под салата и допил остатки кофе. Уже третью чашку за этот день, хотя время только приближалось к одиннадцати. Он быстро сунул учебники в рюкзак и надел кепку. Обычную черную, без логотипа «*Антифа*». Ему не следовало ничем выделяться. На экране нечеткий силуэт двинулся к лифту. Лицо оказалось в фокусе. Вне всякого сомнения, это был нужный ему субъект. Он не поменял адрес.

Антон поспешил к двери пиццерии «Тарантелла», кивнул Владо, который стоял у мойки с испачканными мукой руками, и вышел на площадь Бреденгсторгет. Быстро миновав мечеть и школу, он двинулся через парковку, но, пересекая по подземному переходу Бреденгскую аллею, замедлил шаг. Осторожно поднявшись наружу с другой ее стороны, он встал в тени на детской площадке и обратил свой взор на стоявшую напротив высотку.

Антон встречался с этим товарищем накануне вечером. Все вроде было нормально. Тот выглядел подавленным, его явно опечалила смерть Ильвы, и, кроме того, он немного нервничал перед акцией, предстоявшей им в Гетеборге. Все это казалось естественным. Антон насел на него слегка в надежде заставить проговориться. Но безрезультатно.

В его распоряжении имелось два дня. Больше времени на это он пожертвовать не мог. Если ничего не случится за эти дни, он намеревался сдать. Признать, что, пожалуй, ошибался. И тогда за дело могла взяться Линн. Или полиция. Но ранее он не собирался являться на допрос.

Он возлагал большие надежды на наблюдение, рассчитывал с его помощью вернуть контроль над группой. Снова заужать себя. Именно он отвечал за то, чтобы акция в Тюресё прошла как по нотам. Но она закончилась провалом и чуть не стоила Эзги жизни. Ради восстановления чувства собственного достоинства ему требовалось найти лазутчика. Ради собственной безопасности и остальных в группе.

Антон замер, когда мужчина в зеленой армейской куртке появился из-за угла и направился по тропинке через замерзшее поле. Его солнечные очки блестели. Антон отступил дальше в тень, а когда мужчина повернул в сторону метро, незаметно последовал за ним.

Потом он сидел, наклонившись вперед, в другом конце вагона, стараясь не попасться на глаза возможному виновнику последних трагических событий. Размышлял о случившемся накануне. О письме, которое Ильва оставила Линн. Касалось ли оно ее подозрений относительно его самого? Или содержало материалы против того, за кем он как раз сейчас следил? Доказывавшие существование предателя среди них.

Они покинули метро и вышли на Свеавеген. Объект перешел улицу и направился к Городской библиотеке. Антон пошел по дуге, чтобы его не заметили, замедлил шаг, подходя

к библиотечной лестнице. Он прятал камеру в рукаве и фотографировал время от времени. Мужчина в армейской куртке остановился перед входом на самом ее верху. Его кепка была натянута на лоб. Навстречу ему вышла блондинка и широко улыбнулась.

У Антона мороз пробежал по коже. Он увидел, как она обняла его и потащила внутрь за собой.

Он сразу узнал ее.

Клара Рессель.

Они изучали ее фотографии несколько раз за последние месяцы. На одной она была в компании новой группы молодых нацистов. Из «Скандинавского копья». Прошел час. Он уже весь дрожал от холода и собирался уйти, когда зеленая куртка показалась за стеклом двери. Клара, похоже, осталась в библиотеке. Или покинула ее через другой выход. Мужчина же решительным шагом направился по тропинке вверх в сторону парка Обсерваториелунден. Антон подождал, пока тот исчез из поля зрения, а потом бегом поднялся на холм. Сначала он решил, что потерял его, но потом увидел зеленую армейскую куртку на углу Кунгстенсгатан. Он поспешил следом, адреналин бурлил в крови. Если мужчина шел в то же место, куда Антон незаметно проводил его днем ранее, речь вряд ли могла идти о случайном совпадении.

Он перешел на другую сторону улицы и сбавил темп, когда приблизился к пустынному мосту Барнхусбрун. Он дал мужчине немного удалиться по Шелегатан, прежде чем устремился за ним. Антон подождал за углом станции метро «Родхусет», достал свой мобильник, а потом перешел Бергсгатан. Мужчина в армейской куртке находился спиной к нему, когда Антон начал снимать. Это было то самое место, которое объект его слежки посетил накануне. Бергсгатан, 48.

Здание полиции.

Мужчина вошел внутрь и миновал стоявшую на входе охрану. Антон развернулся, убрал телефон и пошел к метро. У него были фотографии. Теперь требовалось понять, как поступить с ними и что они означали. Неужели этот человек работал на обе стороны?

Он сел на деревянную скамейку на станции. Держал мобильник в руке. Его одолевали сомнения. Насколько Линн была замешана во всем этом? А вдруг она работала вместе с мужчиной в армейской куртке, раз он мог принадлежать к полицейским, и намеревалась проникнуть в его группу?

Он поплелся к поезду, толком не зная, куда направляется. И что ему делать. За Линн поручились. Он сам дважды проверил про Копенгаген и Линчепинг. Никто, похоже, не верил, что она могла пойти против своих. Но в то же время она давно отошла от активной деятельности. Люди менялись. Отказывались от своих прежних убеждений.

Даже меняли сторону.

Он мог прощупать ее с помощью своих снимков. Посмотреть, как она отреагирует. У него обычно получалось правильно оценить реакцию людей. Понять, когда они лгали. Он быстро вошел в Hushmail и отправил зашифрованное сообщение Клаасу. Тот должен был приехать из Германии. Быть на его встрече с Линн. В качестве авторитетного человека. Или как там это сейчас называлось среди антиавторитаристов.

Клаас должен был понять, что ситуация чрезвычайная. И имел огромный опыт. Все-таки двадцать лет в движении. Двойное гражданство. Он считался одной из ключевых фигур отделения в Геттингене. Говорил по-шведски и по-немецки.

И, прежде всего, он знал Линн.

Или, по крайней мере, многое о ней.

Мужчина в армейской куртке резко остановился. А спустя несколько мгновений продолжил идти к зданию полиции, словно ничего не случилось. Следивший за ним снова попался

ему на глаза, когда он входил внутрь. Он заметил его отражение в стекле двери. Заметил движение. Тот сунул руку в карман. Сначала он подумал, что за оружием. А потом узнал его.

Это был Антон.

Без оружия, но с телефоном в руке. Он снимал его едва заметно, с бедра. Кепка закрывала часть лица. Но несмотря на это, сомнений не было. За ним наверняка шел его *товарищ* из АФА. И вдобавок сфотографировал, как он входил в здание полиции на Бергсгатан.

Поднявшись на второй этаж, он осторожно скосился в окно и увидел, что Антон направился к станции метро. Возможно, посчитав свою задачу выполненной. И едва ли это были первые фотографии, сделанные им. Вероятно, он стоял здесь и накануне. Или, по меньшей мере, видел его вместе с Кларой Рессель перед библиотекой час назад. Пожалуй, он даже заснял его вчерашний визит в офис «Скрытой правды» на Грев Турегатан. Все вместе ему вряд ли удалось бы найти разумное объяснение.

Но сколько бы много Антон не успел задокументировать, это не могло помочь ему.

Благодаря прослушиванию его мобильного он знал, что Антон не успел поговорить с другими. Мужчина в зеленой армейской куртке не испытывал ни малейшего беспокойства. Он так долго жил двойной жизнью, что это стало естественным для него. А противодействие планам противника – неотъемлемой частью бытия. Порой эмоции докучали ему. Когда-то совесть напоминала о себе. Но это было давно. Он сделал окончательный выбор. Нашел свою сторону. То, во что верил. Созданию чего способствовал. И он впитал это чуть ли не с молоком матери.

Таким вырос.

И не собирался меняться. И считал, что никто не сможет помешать ему. Когда сейчас он зашел уже столь далеко.

Его жилище оказалось чистым. Мужчина в зеленой армейской куртке потратил всю вторую половину дня на обследование своей квартиры. Он тщательно проверил каждый сантиметр, но нигде не нашел ни камер, ни подслушивающей аппаратуры. Ни за обоями, ни в плинтусах, ни спрятанными в мебели.

И все же он не ошибся в своих подозрениях. Но камеру на лестничной площадке не стал трогать. Не хотел давать знать Антону, что обнаружил его слежку. Решил, пусть остается, пока он все не закончит. Антон, похоже, действовал в одиночку на свой страх и риск. Точно как раньше делала Ильва.

Порой было удобно иметь дело с анархистами. Своевольными индивидуалистами. Чья вера в собственные возможности, казалось, не знала границ. Они далеко не сразу подключали людей «со стороны». Их глупое самодовольство скоро должно было аукнуться им. Он улыбнулся сам себе и направился к расположенной недалеко пиццерии Вlado. На площади стояла компания иммигрантов. Они курили, разбившись на небольшие группы. Он презрительно сплюнул на землю, увидев их, и пошел в обход. Его путь лежал мимо торгового центра ИСА, где рекламировали халяльные котлеты, дешевые гранаты, домашний хлеб-пита и пятилитровые канистры с оливковым маслом. Как будто шведская торговая сеть переориентировалась на не самого традиционного для себя покупателя. Он покачал головой. Пожилые бородатые мужчины спешили в сторону мечети за его спиной, когда он шагнул в пиццерию, где его с порога встретили запахи душицы и горячего томатного соуса. Она уже сидела в углу и осторожно махнула ему рукой.

Он кивнул владельцу, выходящу с Балкан. Во всяком случае, ему так казалось. По крайней мере, не мусульманину. Если судить по свинине и бекону, присутствовавшим в висевшем на стене меню. Он специально не стал проверять это. Пицца здесь была просто фантастической. Да и он, как и любой другой, не мог воевать со всеми постоянно.

– Как дела? Ты выглядишь усталым, – сказала она и накрыла своей ладонью его руку. Он кивнул.

– Слишком много всего навалилось в последние дни. Тебе удалось выяснить что-нибудь?

– Расследование смерти Ильвы, похоже, завершено. Полиция Флемингсберга считает это самоубийством. Я успела проверить только вскользь там, где ты сказал мне искать.

– И нет никаких дополнений? Обновлений?

– Нет, насколько я видела. Но в моем распоряжении была где-то минута. А ты не мог бы проверить сам?

– Я не могу рисковать и оставлять после себя следы в архиве, – ответил он.

Она еле заметно кивнула. Явно не поняла, о чем он говорил. Но он знал, что она не станет задавать лишних вопросов. Слишком верила ему. Они доверяли друг другу. И так было всегда. Но ей не стоило знать детали. Она часто принимала все слишком близко к сердцу. Особенно когда дело касалось людей. В худшем случае это могло сказаться на ее мнении о нем. Негативно повлиять на ее верность.

Она неправильно истолковала его молчание, приняла за раздражение. Улыбнулась ему робко.

– Мне нелегко залезать в компьютер. Я редко получаю такую возможность. Другое дело телефон, там у меня есть пароль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.